

ПРОЕКТ ДМИТРИЯ ГЛУХОВСКОГО

# ВСЕЛЕННАЯ МЕТРО 2033

СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВ  
КОЧЕВНИК



FUTURE CORP.

**Сергей Алексеев**  
**Метро 2033: Кочевник**  
Серия «Метро»  
Серия «Вселенная «Метро 2033»»

*Текст предоставлен правообладателем*

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=43708195](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43708195)*

*С. Алексеев. Метро 2033: Кочевник: ООО «Издательство АСТ»;*

*Москва; 2019*

*ISBN 978-5-17-114947-5*

### **Аннотация**

«Метро 2033» Дмитрия Глуховского – культовый фантастический роман, самая обсуждаемая российская книга последних лет. Тираж – полмиллиона, переводы на десятки языков плюс грандиозная компьютерная игра! Эта постапокалиптическая история вдохновила целую плеяду современных писателей, и теперь они вместе создают «Вселенную Метро 2033», серию книг по мотивам знаменитого романа. Герои этих новых историй наконец-то выйдут за пределы Московского метро. Их приключения на поверхности Земли, почти уничтоженной ядерной войной, превосходят все ожидания. Теперь борьба за выживание человечества будет вестись повсюду!

Цель охотника за головами проста – найти преступника и отдать в руки правосудия. Если не получается живым – тогда предъявить частями, подходящими под опознание.

Добытые в ходе последнего рейда сведения выводят бывалого наемника на след кровного врага. И без того сложная задача грозит стать вовсе невыполнимой. Чтобы добиться нужного результата, придется одолеть сотни километров песчаных равнин Южного Казахстана...

*Содержит нецензурную брань.*

# Содержание

Восток дело тонкое. Объяснительная записка Вадима Чекунова	6
Пролог	9
Глава первая. Без пощады	16
Глава вторая. Смотри в оба!	33
Глава третья. Выживший	57
Глава четвертая. Сгоряча стрелять не стоит	85
Глава пятая. На ловца и зверь...	107
Конец ознакомительного фрагмента.	131

# **Сергей Алексеев**

## **Метро 2033: Кочевник**

© Д. А. Глуховский, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2019

**\* \* \***

# **Восток дело тонкое.**

## **Объяснительная записка**

### **Вадима Чекунова**

Я искренне радуюсь каждому выходу нового «восточно-го» романа в нашей Вселенной Метро. Туннели, подвалы, шахты, подземные переходы и прочие «кротовьи норы», где в полумраке и сырости коротают дни те, кто сумел пережить Катастрофу, – да, все это обладает мрачной притягательностью. В их недрах клокочет своя, темная и злая сторона жизни, там таится невероятная нечисть и прорываются лучи человечности, есть место гнусности и подвигу – все, как и в обычной жизни, только сжатое низкими сводами и узкими стенами до настоящей эссенции.

Но со временем эта самая «сжатость» начинает сдавливать сознание, как тесный ворот – шею. Хочется схватить и рвануть, чтобы пуговицы брызнули и покатались, чтобы грудь вдохнула воздуха по самый край, а глаза изумились бесконечности пространства, представшего перед ними...

Казахские степи и равнины – вот уж где есть разгуляться и добру, и злу, и человеку как их вместилищу.

Все более уверенно наш восточный сосед занимает свою нишу в локациях. Сначала Казахстан упоминался в романе Андрея Дьякова «За горизонт». Потом харизматичный ав-

тор Шамиль Алтамиров, знающий местность не понаслышке, дебютировал с романом «Степной дракон», из которого любители экзотики и легенд могли почерпнуть немало для себя интересного. И вот пришел черед динамичного романа-путешествия «Кочевник», написанного Сергеем Алексеевым, не будет лишним упомянуть, что Сергей – давний приятель Шамиля. И он тоже самым близким образом знаком с обычаями, нравами, законами и природой пыльных степей. Значит, нас ожидает увлекательный, насыщенный местным колоритом рассказ о людях и об их устремлениях. А устремления эти далеко не всегда праведные. Со страниц романа так и доносятся пыль и жара, дурманящий дым, слышится запах пота и страха, который то и дело перебивается парным духом свежей крови...

Впрочем, нам, пока еще живущим в относительно мирное и благополучное время, трудно судить о том, что на самом деле является праведным и как нам самим следует поступать в некоторых случаях. Конфуций учил: на добро следует отвечать добром, а на зло – справедливостью. Поэт Фирдоуси пояснял, что такое справедливость: «Чтоб быть справедливым возмездье могло, лишь злом воздавать подобает за зло». Автор неслучайно взял эти слова в качестве эпиграфа – зла в романе хоть отбавляй, но далеко не все оно творится ради темных целей.

Отдельно хочется сказать пару слов о попутчице главного героя Шала – китаянке Фань. На мой взгляд, это один из са-

мых удачных, трогательных и живых женских образов в нашей Вселенной Метро. Возможно, конечно, что долгое проживание на Востоке сказалось на моем восприятии этой героини. Или то, что моя жена – тоже китаянка. Но мне кажется, образ ее удался в первую очередь потому, что сам автор понимает – в жизни просто обязано быть что-то светлое. Пусть хрупкое и недолговечное, но – обязано.

А мы обязаны его беречь. Даже если это кажется невыполнимым.

*Чтоб быть справедливым возмездье могло,  
лишь злом воздавать подобает за зло.*

***Абулькасим Фирдоуси (935 г. – 1020 г.) персидский и таджикский поэт***

# Пролог

*Июнь 2033 года*

*г. Тараз*

*Шымкентский Каганат*

Обстановка притона бесила. Клубы дыма из длинной опимной трубки смешивались с гарью чадящих бараньим жиром светильников в полумраке подвала и вызывали отвращение. Судя по редким конвульсиям и сдавленным вскрикам, тело на полу у стены было далеко от блаженства, пребывая в плену кошмарных видений. Гул голосов в верхнем зале, прерываемый взрывами смеха анашистов, и заунывная мелодия в исполнении сидевшего в углу наркомана разговаривать не мешали. Мешал только дым. От него свербело в носу, слезились глаза и хотелось быстрее выйти на улицу и полной грудью вдохнуть чистого воздуха. Но собеседник никуда не спешил – временами его накрывала внезапная сонливость, и он начинал клевать носом, забывая обо всем, и давно бы растянулся на тонкой кошме, только разреши.

Чайхана на южной окраине города жила своей жизнью. Ленивой, размеренной жизнью любителей чая и дурманящих средств, не терпящей спешки, где все заботы можно было оставить за порогом и отдать сознание во власть наслаждения. Неважно какого. Пара затяжек или легкое, окрыля-

ющее удовольствие от обжигающего чая, заваренного с толчеными корочками мака – кукнаром способного одним только запахом всколыхнуть целый пласт воспоминаний двадцатилетней давности, как бы тщательно их ни старались хоронить где-то на задворках памяти. Либо же тяжелое опиумное отупение, погружающее разум в запредельные дали, которые породил одурманенный мозг. Все зависело от того, с каким душевным грузом переступить порог чайханы «Нават» и для чего. Просто поговорить, узнать свежие новости Каганата от челноков и караванщиков, или все же отрешиться от реальности тягот бытия в изменившемся ненадолго мире.

Слуга-китаец, искусно лавируя между застывшими в разных позах заторможенными курильщиками, принес пиалу и покрытый копотью медный чайник с высоким узким горлом. Поставил поднос прямо на пол, почтительно поклонился и застыл в ожидании платы. Получив патрон «пятерки», с несвойственной для этого места стремительностью удалился, словно его тут и не было, и только чайник напоминал о недавнем присутствии слуги.

– Эй, Кайым! Не спать! – одернули наркомана, снова пытающегося принять горизонтальное положение.

– А? – Мутные глаза уставились на силуэт сидящего перед ним человека. – Ты кто? Сагынтай?

– Сагынтай, ага.

– А-а-а... Саги, – заулыбался Кайым, медленно растягивая слова. – Пришел...

Сагынтай плеснул в пиалу горячего чаю на глоток и втянул ноздрями запах. Нормально, как и заказывал, без всяких наркоманских примесей. Божественно.

– Будешь? – Ему протянули трубку.

– Нет. Не хочу.

– Зря... – Одурманенные глаза снова закрылись.

– Где Ахмед? – Сагынтай отхлебнул чаю.

– Он же говорил... Ты не помнишь?

– Не помню, – хмыкнул Сагынтай и пояснил: – я вчера курил. Утром еле вспомнил, как меня зовут. Зато вспомнил кое-что другое. Поэтому мне нужно срочно встретиться с Ахмедом. Давай расскажи, где его найти, и сиди тут себе дальше.

Кайым снова закрыл глаза, словно и не слышал, что ему сказали.

– Не спать, осел! – процедил Сагынтай и несильно стукнул по державшей трубку руке. – Ахмед где? – тупость собеседника раздражала уже донельзя.

– Ушел. На восток куда-то, велел тут ждать. И вообще, ты чего столько вопросов задаешь? – тихо возмутился наркоман. – Мент, что ли?

– Сам знаешь, как наутро бывает трудно вспомнить что-то, – стал оправдываться Сагынтай. – Вот и я стал многое забывать.

– Все не забудешь... – уверенно возразил Кайым, – я, наоборот, многое вспоминаю, когда курю... Ха! Ты помнишь

Кентай<sup>1</sup>? – он засмеялся. – Помнишь Жайсулу? Красивая такая, мне понравилась очень. Часто ее вспоминаю... И выносливая. Сколько нас было, пятеро? Или шестеро? Всех выдержала, сучка... Можно было еще туда смотреть. Зря ты ее зарезал... Развлеклись бы снова.

– Я помню джайляу<sup>2</sup> у Гранитогорска, – процедил Сагын-тай и снова налил себе чаю.

– Это когда было? – Кайым нахмурился.

– Лет восемь-десять назад.

– Блин, давно... Не помню.

– Вспоминай. Женщины, старики, дети. Мужчины на охоте были. Скот еще оттуда угнали, вырезав всех, кто там был.

– Это не там, где Ахмед по ним из лука стрелять учился? А мелкоту заставлял бегать по крыше санатория и прыгать с нее дальше, выше, точнее? Ха, помню! – Наркоман довольно заулыбался и затянулся трубкой. – Охрененное время было... Веселое.

– Так куда он сейчас ушел?

– Да в Луговой! Или Кулан. В ту степь, короче. Вернется, пойдем в Шымкент. Сказал пока найти тебя и Ермека... И тут ждать. А ты сам пришел.

– Ермек где?

– У Шолпán...

– Где это? – терпеливо допытывался Сагын-тай.

---

<sup>1</sup> Кентай – поселок в Жамбыльской области.

<sup>2</sup> Джайляу – летние пастбища в горах Средней Азии.

– В Таласе.

– Талас большой поселок, точнее давай!

– Последний дом у поворота! Улица еще называлась в честь борца... Не помню... Э! Ты че! – встрепенулся Кайым, – ты же был там! Сам рассказывал, что пока Ермек спал укуренный, ты ее...

– Забывчив стал, прости.

Сагынтай достал табак, свернул самокрутку и, подняв светильник, прикурил от хилого огонька, добавляя свою порцию чада в общую атмосферу притона. Крепко затянулся, выдыхая дым в лицо собеседнику. Наркоман, щуря мутные глаза, затряс головой.

– Ты же не Саги... У него нет усов...

– Верно. Не Саги, – хмыкнул «Сагынтай» и отставил светильник.

– Кто ты?

– Да какая теперь тебе разница? В конце жизни-то?

– Кто ты?! – вскричал Кайым, сунув руку за пазуху.

«Сагынтай» дождался, когда из-под халата появится пистолет, пожал плечами и улыбнулся.

– Шал<sup>3</sup>. Из Гранитогорска.

Подавшись вперед, он крепко прижал оружие к колену собеседника, не позволив передернуть затвор. Можно воспользоваться и пистолетом, но стрелять тут нельзя. Слишком много вооруженных людей наверху, и если начнут раз-

---

<sup>3</sup> Шал – старый.

бираться, почему застрелили одного из посетителей, причина пальбы может не понравиться. Не все любят охотников за головами.

Резко вырвав из руки курительную трубку, Шал сломал ее об пол и со всей силы вогнал острый конец деревянного огрызка в горло Кайыма. Тот захрипел и, булькая кровью, завалился на спину.

Шал схватил его за запястье, не позволяя прикрыть рану, и отвел окровавленную ладонь в сторону. Зачем оттягивать смерть, если ранение такого характера несовместимо с жизнью. Один из курильщиков, привлеченный криком, оторвал голову от покрывала и подслеповато всматривался в их сторону. Ничего не понял, застонал и свернулся калачиком.

Когда Кайым перестал биться в агонии и затих, Шал вытер попавшую на руку кровь об его одежду, бросил окурки в пилу и поднялся из подвала в верхний зал чайханы. Презрительно сморщившись от сладковатого дыма, оглядел помещение, высматривая давешнего слугу среди посетителей, и заметил пару знакомых по ориентировкам лиц. Ага, значит, потом еще нужно сюда зайти. Пообщаться за жизнь. Китаец появился сам.

– Ли? Си? Цин? – брякнул первое пришедшее на ум.

– Ли, господина, Ли. – Слуга, подобострастно кивая головой, заулыбался. Доволен, что спросили имя. Большинство присутствующих имя тени, снующей между ними, интересовало мало.

Шал протянул ему два патрона.

– Там моему другу плохо стало. Похоронишь его как-нибудь. Подальше отсюда и без особого шума.

Китаец сокрушенно покачал головой.

– Какой неясный день. Какой неясный день.

– Так бывает, если переборщить с опиумом.

– Похолоно. Похолоно, – слуга поклонился.

Покинув чайхану, Шал наконец-то вздохнул полной грудью.

– Неправ китаец. Сегодня неплохой день, хоть и жарко.

# Глава первая. Без пощады

*Июнь 2033 года*

*пос. Талас*

*Окрестности Тараза*

*Шымкентский Каганат*

Солнце жгло нещадно. Полуденный зной, горячий и плотный, как войлок из овечьей шерсти, наваливался на город, вынуждая найти тень и переждать жару.

Асфальт прогибался под каблуками и пружинил словно пластилин, обжигая ноги даже сквозь истертую подошву. Старая кирза вместе с портянками давно превратилась в духовку и заставляла шагать бойчее, не обращая внимания на панораму жилых и полуразрушенных домов. Если идти быстро, не так сильно хотелось выпрыгнуть из обуви. Ну прямо мифические сапоги-скороходы, мать их кирзовую. Конечно, если сравнивать постоянные неудобства от зимних морозов, жаловаться на временно установившуюся высокую температуру не стоит. Как говорил старый знакомый – припаренных меньше, чем обмороженных, и, в отличие от зимы, это не всегда смертельно.

На мосту стало полегче, от реки несло хоть какой-то прохладой. Талас, беря начало в горах и лениво катя воды на север, чтобы раствориться в песках ближайшей пустыни, про-

греваться не успевал. Росло искушение скинуть одежду, погрузиться в холодный мутноватый поток и смыть град пота, который уже успел залить глаза и теперь обильно струился по телу. Но Шал не стал поддаваться соблазну, слишком агрессивно оказались настроены слепни в зарослях ивняка по берегам. После их укусов в ранах заводились паразиты и поедали плоть жертвы, а избавиться от них можно было только хирургическим путем, что в условиях дефицита людей, не понаслышке знакомых с медициной, казалось невыполнимым.

Отпустив поводья, разрешил коню напиться и, отгоняя от него насекомых сорванной веткой, сам ступил по щиколотку в воду, позволяя мелким волнам омыть сапоги. Влага, проникая сквозь прохудившиеся швы, приносила облегчение. Намочил в реке выбеленную солнцем панаму-афганку, слегка отжал ее и снова водрузил на затылок, после чего ощутил себя способным продолжать путь. К тому же, если верить ориентирам, указанным жителями на окраине города, осталось немного.

Упиваясь свежестью струек воды с панамы, Шал снял с пояса «змеяку». Проверить, не слежался ли внутри длинного кожаного мешочка песок, хорошо ли пересыпается, смещаясь в один конец и образуя гибкую дубинку. Вроде нормально, как обычно. Снова привязав ее на пояс, испробовал, насколько быстро распускается узел. Кожаная тесьма развязывалась отлично, без затягов и закусываний. Хлебнув теп-

лой воды из фляги и ополоснув рот жидкостью с привкусом алюминия, с отвращением ее выплюнул.

– Сабыр! Сюда иди! – Лоснящийся от пота гнедой послушно вышел из реки, фыркнул и, словно благодаря за предоставленную передышку, кивнул головой.

Сразу за рекой начинался пустой поселок. Люди уходили отсюда постепенно – кто в ближайший Тараз, кто в Туркестан или Каратау, но в основной массе стремились в Шымкент. В города, где осталось жалкое подобие цивилизации. И хотя формально по региону удары не наносились, голод и эпидемии проредили население еще в самые первые годы после того Удара, который выжившие называли Великой Скорбью.

Оставив коня под деревом за пару дворов до нужного дома, откуда ощутимо несло дымом, Шал медленно направился к цели. Оружие брать не стал, и даже камчу оставил в сумке, чтобы не наводила на определенные размышления. Невооруженный пеший человек должен вызывать доверие. На крайний случай, если о доверии нет речи, хотя бы не вызывать беспокойство и невольно не провоцировать агрессию. Нож в сапоге и «змейка» на поясе не видны, может и сойдет за гонца от покойного Кайыма. Ну а не сойдет, значит судьба, он давно отдал свою жизнь в руки провидения и все ждал, когда оно обратит на него внимание.

Последний дом по улице благодаря упавшим воротам, зарослям полыни во дворе и окнам без стекол выглядел бы

нежилым, как и остальные в поселке, но печь из битого кирпича и закипающий на ней чайник говорили об обратном.

Из дома появилась босоногая женщина с кастрюлей. Симпатичная, средних лет, в сером платье ниже колен и, как положено обычаем, с косынкой на голове. Что-то яростно бормоча под нос, поменяла посуду на огне. Схватив закопченный чайник, собиралась уже вернуться в дом, когда увидела Шала у ворот.

– Чего надо? – грубо бросила она, надменно поджав губы на красивом лице.

– И вам не хворать, уважаемая, – Шал кивнул и степенно вошел во двор, не дожидаясь приглашения.

Рассмотрев неизвестного, женщина смягчилась. Черные волосы, сильно тронутые сединой, выглядывали из-под сдвинутой на затылок панамы, такие же седые усы и покрытое морщинами лицо указывали на почтенный возраст гостя, и она сразу вспомнила о традициях. Старших по возрасту нужно уважать. Да и внешний вид подозрений не вызывал – стоптанные сапоги, потертые камуфлированные штаны и потная рубашка навывпуск. Вероятно, обычный путник, направляющийся в Тараз.

– Здравствуйте, агай<sup>4</sup>. Не хотите ли воды? Чаю?

– От воды не откажусь, племянница, – кивнул Шал, – жарко сегодня.

Женщина легко взбежала на крыльцо, скрылась на веран-

---

<sup>4</sup> Агай – дядя (каз).

де, и через пару секунд появилась с ковшом.

Шал поблагодарил кивком и неспеша отпил несколько глотков воды.

– Ай, хорошо! А скажи мне, племянница, тебя, случайно, не Шолпан зовут?

Женщина поменялась в лице и нахмурилась.

– Шолпан.

– Значит, я по адресу. И Ермек дома?

– А вы кто?

– Ты меня не знаешь. Весточку я принес твоему благоверному. Так и будем на солнцепеке стоять? – Шал выплеснул остатки воды в траву и вернул ковш.

– Проходите.

Шолпан быстро скрылась в доме. Шал медленно пошел за ней и уже поднялся на веранду, как увидел высокого темно-волосого мужчину, раздетого по пояс. В руке тот держал потертый «макар», и ствол был направлен прямо в живот Шалу. Хмуро сдвинув брови и наклонив вперед голову, хозяин дома напряженно всматривался в гостя.

Покатый лоб и вся поза напоминали упертого бычка, который не хочет идти в стойло. Точно, Бзал. Погоняла просто так не дают. У его подельников прозвища не лучше. Сагынтая за глаза навывает, как у рыбы, звали Балык, а Кайыма – Карлос Кастанеда. Слишком уж любил путешествовать в мирах другой реальности.

Шолпан теперь стояла за спиной Бзала и с опаской смот-

рела на происходящее.

– Кто ты?

– Салам, Ермек. Я от Кайыма.

– А сам он где? – без приветствия, отрывисто спросил бычок.

– В «Навате». Укурился до зеленых соплей, – почти правду сказал Шал.

– Собака! – выругался Ермек. – Он что-то передал?

Гость кивнул.

Ермек повернулся к Шолпан и мотнул головой.

– Скройся!

Та поджала губы, протиснулась между ним и дверью и отправилась на улицу, что-то недовольно бурча под нос. Трещат, видать, узы любви сладкой парочки, у строителей отношений закончился цемент. Так бывает, когда кто-то один из пары на два фронта старается. Но и это временно, скоро всему конец.

– Заходи! – Ермек отступил назад, не убирая оружие.

– Не говорили мне, что вот так встречать будут, – Шал нагло усмехнулся. Сняв головной убор, взъерошил волосы и стал обмахиваться панамой, словно веером. – Жарко сегодня. Дождя хочется.

Они прошли в комнату, и Шал быстро окинул ее взглядом, подмечая детали. На полу потертый цветастый ковер. У лишнего шторок окна старый сундук, обитый вырезанными из жести национальными узорами. Кипа покрывал и

подушек в углу заменяет супружеское ложе. Стены местами в трещинах и обваливаются, но глину и известку, которые с них сыпятся, убирают вовремя, на полу чисто. Уютное любовное гнездышко на краю света. Не дворец, где играют свирели, но уж явно лучше шалаша. В дверном проеме, ведущем в другую комнату, виднелся стол, на котором стоял ручной пулемет с направленным в окно стволом. Вот и оборона на случай чего.

– Говори! – отрывисто приказал Ермек.

– Ты, Бзал, ствол-то убери! – вдруг повысил голос Шал. – Я тебе шавка какая-то, под прицелом говорить?

На лице Ермека промелькнуло удивление, но пистолет он опустил. И правильно, старших надо слушать. Видимо, вбиваемые с детства вековые традиции еще сидят где-то в подкорке, это хорошо.

– Вот, другое дело. А то не по-людски как-то.

Шал медленно прошелся по комнате.

– Далеко забрались. Поближе не было лежки? И чего в городе не осели?

– В городе опасно.

– Если не борзеть, не опасно. Значит так. Ахмед сказал, скоро пойдем в Шымкент. Будьте наготове.

– Кому передал? – недоуменно спросил Ермек.

– Мне-е-е! – ехидно протянул Шал и усмехнулся. – Чтобы вам, дармоедам, это донес, и вы прекращали разлагаться. А то Карлос из притона не выползает, другой с девкой где-

то прячется, Балык шлюх в борделях дегустирует. Оприходует спозаранку куртизанку и спит довольный полдня, хрен добудишься.

– Так тебя Ахмед прислал? – На лице Ермека проступило явное облегчение, и, поставив пистолет на предохранитель, он убрал его в карман.

– Нет, блин, генерал Ашимов! Конечно, Ахмед!

– Извини. Как звать тебя, агай? – уже виновато спросил Ермек.

– Шал.

– Сейчас чай будем пить, поговорим. – Ермек вдруг зашевелился, пытаясь проявить гостеприимство. – Проходи, садись. Пойду скажу Шолпан, чтобы чай заварила.

Он быстро скользнул мимо гостя, который и не думал воспользоваться приглашением. Сунув руку под рубаху, Шал дернул шнурок «змейки». Узел легко распустился, один конец кожаного мешочка скользнул с пояса вниз, принимая форму дубинки. Резко встряхнув ее, чтобы песок уплотнился еще больше, Шал сильно взмахнул рукой и «змейка», описав широкую дугу, с тупым шлепком опустилась на затылок Ермеку. Тот сделал шаг и рухнул на пороге комнаты, разбив в кровь лицо и мгновенно потеряв сознание. Оттащив его за ноги назад в комнату, Шал достал из кармана веревку и стал связывать руки.

Послышались быстрые шаги, в комнату влетела Шолпан, услышав с улицы какой-то грохот в доме.

– Ты что делаешь? С-сука! – заверещала она и разъяренной кошкой бросилась на Шала.

Он встретил ее коротким ударом в лицо. Женщина опрокинулась на спину посередине комнаты и осталась лежать с задранной почти до пояса платьем, с ужасом взирая на гостя, который из доброго дядюшки внезапно стал злым. Шал оглядел ее оголившиеся ляжки и снисходительно улыбнулся.

– Прикройся, шалава! Скромней надо быть.

Шолпан утерла кровь с разбитой губы и вдруг хитро улыбнулась.

– А может, договоримся?

– Чего? – опешил Шал.

– Ну, договоримся, – она демонстративно раздвинула ноги, – и ты его отпустишь.

– Пошла ты! – беззлобно буркнул Шал и достал из сапога нож.

– Или ты не способен уже с женщиной понежиться? – ехидно засмеялась Шолпан. – Импотент, да?

Шал вздохнул, отрезал кусок от веревки на руках Ермека и подошел к ней.

– С женщиной-то способен. А шлюх, как ты, не люблю. Повернись. Руки давай! И не дергайся, а то прирежу, как барана.

– Урод!

Стянув руки и щиколотки веревкой, еще раз скользнул оценивающим взглядом по голым ногам, и одернул платье.

– Отпусти его! – В ее голосе послышались слезы. – Пожа-луйста! Ну что он тебе сделал?

– Ты с ним сколько уже шоркаешься? – прищурился Шал.

– Второй год.

– Если я тебе расскажу о его геройствах, боюсь, ты сама его прирежешь. Или ты в курсе его дел? Чем он, по-твоему, промышляет?

– Ну, скот гоняют...

– Угу, – кивнул Шал, – только не гоняют, а угоняют. Твой драгоценный Ермек, чтоб ты знала, обвиняется в грабежах, убийствах, изнасилованиях – в общем, всех тех зверствах, что они чинили над населением в составе вооруженной банды несколько лет подряд. Плюс побег из исправительной колонии в Ленгере. Властью, данной мне Каганатом, и действуя по предписанию Шымкентского отдела по борьбе с бандитизмом, я могу на месте привести заочный приговор в исполнение, и заодно тебя, как пособницу, тоже казнить, повесив во дворе, или тут, в доме. Как пожелаешь. Поэтому не дергайся. Лежи спокойно и не мешай.

– Ты прямо тут его убьешь? – в ужасе спросила Шолпан.

– А надо тут? – Шал подошел к Ермеку, достал из его кармана пистолет, осмотрел, проверив обойму с затвором, и сунул за пояс. – Отвезу в Тараз, сдам местным стражам поряд-ка.

Он вышел на крыльцо и громко свистнул. Через несколько минут послышался размеренный цокот копыт и во двор

вошел Сабыр.

– Жди! – бросил Шал послушному коню.

Вернувшись в комнату, убедился, что Шолпан не сдвинулась с места, а Ермек в себя еще не пришел, и прошел к столу с пулеметом. По-хозяйски осмотрел, отсоединил коробку с патронами, пробежался глазами по комнате и под столом нашел еще две коробки. Запасливый бычок, однако. Вояка, видать.

Отнес все на улицу, упаковав патроны в седельную сумку. «Семерка» лишней не будет, до другой валюты Каганат еще не додумался, а вот пулемет можно и сдать, чтобы не таскать его по степи, или выменять на нового коня, к примеру. А лучше кобылицу, чтобы Сабыру веселей было.

В комнате, где лежала связанная парочка, Шал увидел рассыпанные по подоконнику папиросы. С сомнением понюхал, ожидая ненавистный запах травы, так любимой наркоманами, и от удивления выругался. Самые настоящие папиросы, пусть и без названия, но из обычной папиросной бумаги. Одну закурил, остальные собрал в карман рубашки. Нечего таким добром разбрасываться, самому надо. Последний раз подобные пробовал месяц назад, и то отвалил за пачку несколько патронов, тянул ее очень долго, выкуривая по одной и только после еды. В Шымкенте пару лет назад наладили производство табачной продукции, засадив табаком целое поле на берегу Бадама. Сермяжная и прямолинейная крепость папирос была на любителя, но в сравнении с само-

садом, которого на рынке можно сменять за патрон целый кисет, весьма приятной.

– Кучеряво живет нынче бандитский элемент, – он показал Шолпан зажженную папиросу.

– Я убью тебя! – пообещала женщина.

– Всегда пожалуйста. – Шал затынулся и от удовольствия закрыл глаза. Как там говорилось когда-то? И пусть весь мир подождет? Вот и пусть ждет.

Неспешно докурив, растоптал окурок сапогом, присел перед Ермеком и проверил пульс. Вдруг сдох, когда мордой о порог шваркнулся, и всю справедливость на нет свел. Нет, живой, но без сознания. Вздохнул, собираясь с силами, перевернул его и потащил к выходу потное тело. Тяжелый, падла. Шолпан тихонько завывала.

С трудом погрузив бесчувственного бандита на коня, вернулся в дом.

– Ну, что, Шолпан. Прощай. Советую за ум взяться и не водиться с подобными личностями. А то или они тебя прирежут, или милиция пристрелит за пособничество. Молодая же еще. Семью заведи. Или тебе нравится такая жизнь? Там с Ермеком, тут с Сагынтаем пупами потереться, да? – он пошевелил пальцами и подмигнул.

– Откуда ты знаешь? – заверещала Шолпан.

– Я, племяшка, все знаю, – Шал недобро ухмыльнулся. – Работа такая. Ну ладно. Прощай.

– Сука! Ненавижу! Убью тебя! Найду и убью, и скормлю

собакам! – красивое лицо перекошило от злости. Нельзя женщинам ругаться, сразу становятся старыми и омерзительными.

– Ай-яй-яй! – он покачал головой, – разве должна так выражаться молодая женщина, не стыдно?

– Убь-ю-ю, – выла Шолпан, извиваясь на полу змеей.

– Прощай, племянница.

Выйдя на двор, Шал взял коня под уздцы, слушая вдогонку ругательства и проклятья, перемежаемые истеричными стенаниями, и улыбнулся. Ну, это пройдет. Все проходит в нашей жизни, и плохое, и хорошее. Поубивается, поистерит немного, да найдет сильное плечо следующего кандидата. Такие бойкие женщины редко остаются в одиночестве. Всегда найдут себе любовь – и среди криминала, и среди стражей порядка. Смотря что там у них в приоритете. Желание жить лучше других или же просто потребность в мужчине.

Далеко он не пошел. Чтобы переждать самый пик жары, выбрал дом, во дворе которого имелась относительная тень, и завел туда коня с бесчувственным бандитом. Бесцеремонно сбросив последнего на землю, привязал Сабыра к перилам крыльца, а сам уселся на ступенях и стал ждать.

С этого места открывался хороший вид на заснеженные вершины гор Акташ и Киргизского хребта. Глядя на них, можно медитировать, но медитировать сейчас не хотелось совершенно. Да и не умел, если честно. Зато хотелось есть.

По сути, это разные ритуалы, но со схожими результатами – дарить умиротворение страждущим телу и психике. За психику Шал был спокоен, а вот за желудок нет. Можно, конечно, потерпеть до города и перехватить чего-нибудь горячего на рынке, но неизвестно, сколько проваляется без сознания Ермек. Поэтому терпеть не стал, достал лепешку и поджаренные кусочки бараньей кожи с курдючного мешка, что купил в Таразе, и стал медленно жевать жестковатое мясо, задумчиво всматриваясь вдаль.

Везти Ермека в Тараз живым он не собирался. Не для того искал банду Ахмеда много лет. Если других преступников сдавал за награду, то для этих была уготована иная участь. Да, банальная месть, ничего не попишешь. Клятву нужно держать, раз дал ее на крови погибших односельчан. Тем более из тех троих, кто начал поиск этих тварей, в живых остался только Шал, и теперь он должен довести дело до конца. Иначе совесть жить не даст, да и жить, по сути, будет незачем. Только месть и держит в этом мире. Хотя, если разобраться, ненависти уже не было. И желания убивать тоже. Но возможность того, что в Таразе Ермека не казнят, исключать нельзя. Предприимчивый Совет Старейшин возобновил добычу угля в заброшенных еще до Великой Скорби шахтах небольшого городка Ленгер, и Каганату требовались рабочие руки. Это в самом начале преступников стреляли и вешали, а теперь некоторых отправляли на пожизненные работы. И насколько Шал знал, Ермек уже оттуда сбегал. Так

что только смерть, без вариантов.

У крыльца заворочался бандит. Поднял голову, осматриваясь, и снова уронил ее на землю, увидев Шала. Тот лишь бросил быстрый взгляд на окровавленное лицо пленника.

– Ты когда-нибудь задумывался, как умрешь?

– Тебе не жить, – прогундосил сломанным носом Ермек.

– Я знаю, – кивнул Шал, отщипывая кусок от лепешки, – твоя Шолпан уже пообещала меня убить, но это будет нескоро. А вот с тобой это случится намного раньше. Я вот думаю, может, тебя в Таласе утопить, а? Река, конечно, не портвейн, и смерть не будет сладкой. Ты знаешь, что раньше выпускали дешевое вино под названием «Талас»? Дрянь редкостная. Сладковатое такое, красно-мутное пойло, красиво величавое иностранным словом портвейн, хотя портвейном там и не пахло. Бормотуха бормотухой. А еще на берегах этой реки умирали римские легионеры Марка Красса, когда помогали последнему правителю гуннов сражаться с китайскими войсками. Представляешь?

Ермек молчал, и только яростно стискивал зубы, судя по играющим желвакам.

– Ни хрена ты не знаешь, – констатировал Шал, убирая остатки еды в котомку. – И чему вас в школе учили? Чтоб ты знал, где-то тут рядом проходила одна из ветвей Великого шелкового пути. Из Китая в Туркестан товары возили. Представляешь, насколько у этого края богатая история? Хочешь приобщиться к ней и умереть на берегу великой реки? Хотя

нет, чего это я повторяюсь? Рыб уже кормит Балык<sup>5</sup>. Прости за каламбур.

– И Сагынтая убил?

Шал кивнул, закуривая папиросу.

– И его, и Кайыма. Остались ты и Ахмед.

– Ахмеда тебе не взять, сука!

– Поглядим.

– Кто ты такой вообще?

– Я Шал. Достаточно этого?

– Сколько тебе платят, старый?

– А ты дашь вдвое больше? – усмехнулся Шал и сверкнул глазами. – Как банально. Самое смешное, что за тех двоих я не взял еще и патрона. Знаешь, сколько лет я вас искал?

– Где мы тебе дорогу перешли? – Ермек приподнялся, упершись в землю связанными за спиной руками.

– О-о-о! Это долгая история. Но всю рассказывать тебе я ее не буду. Просто напомним место. Гранитогорск. Помнишь, что вы там натворили?

– Мы много где творили. И что? Ты ждешь, что я буду ползать и просить прощения? – презрительно скривился Ермек. – Это когда было!?

– Какие же вы все-таки уроды, – горько вздохнул Шал. – Ведь вы даже не знаете, что такое раскаяние.

– А что это? И зачем оно? – ослабилась Ермек. – Ты мне тут проповеди читать собрался? Перевоспитать решил перед

---

<sup>5</sup> Балык – рыба (каз.).

смертью? Или убивать будешь? Собрался, так убивай.

– Герой, да?

– Не герой, но смерти не боюсь.

– Почему? Все боятся смерти. – Шал растоптал окурок о ступеньку, достал пистолет Ермека и снял с предохранителя. – Главное, как ее ждать. Если не торопясь, постоянно думая о ней, то конечно, бояться пересташь. А если она придет неожиданно, с болью, выворачивающей суставы и отдающей в каждой клетке? Как думаешь?

Спустившись с крыльца, он встал перед бандитом, пытаюсь разглядеть в его глазах страх или раскаяние. Не было ни того, ни другого, только ненависть.

– Стреляй, сука! Чего ждешь?

– А ты знаешь, я придумал кое-что другое. – Шал улыбнулся и пнул бандита в лицо, отправив его снова на землю. – Быстро ты не умрешь, но тебе будет больно. Будешь мучиться, как те люди в Гранитогорске.

Опустив пистолет, он два раза нажал на спуск, целя в места на теле, повреждения которых не вызовут мгновенной смерти. Ни от потери крови, ни от болевого шока. В нарисованной мысленно картине, изображающей торжество справедливости, не хватало нескольких корректирующих штрихов. Поэтому если помрет быстро, это плохо.

# Глава вторая. Смотри в оба!

*Июнь 2033 года*

*г. Тараз*

Город восстанавливался постепенно, что уже неоднократно случалось в его истории. В разное время разрушался и китайцами, и джунгарами, и до самого основания монголами – по пути к завоеванию Европы. Китайцы вырезали джунгар, воинственные монголы канули в Лету, а Тараз всегда восставал из пепла, словно птица Феникс. Последняя война все-разрушающей окровавленной дланью его не коснулась, но и мимолетного взмаха оказалось достаточно, чтобы оставить губительный след на теле города. Ядерный удар по частям ПВО в сейсмически опасном районе разрушил Алматы, а чередой сильных землетрясений следом – множество населенных пунктов по всему региону, зацепив и Тараз. Сколько тогда людей погибло под обломками зданий, не считали, не до того было – искали спасение от радиоактивной дряни, что приносил восточный ветер.

За много лет город значительно уменьшился в размерах. Кто выжил – из полуразрушенных кварталов перебирались ближе к центру, ведь большим гуртом легче защититься от банд, совершавших набеги из степи. Пустыри между уцелевшими зданиями застроили оборонительными укреплениями.

ми, используя бесполезные уже автомобили и куски развалин, которых в округе было с избытком. Получилась достаточно крепкая стена, чтобы остановить лихой наскок распоясавшейся швали, если та надумает взять нахрапом крупный населенный пункт, но неспособная выдержать обстрел артиллерии. Только не было в регионе другой силы с арсеналом тяжелее пулеметов или автоматов, кроме Каганата, поэтому все попытки штурмов закончились еще несколько лет назад. Кочующим бандам оказалось трудно тягаться с крупнокалиберными пулеметами и парой бронетранспортеров, предоставленными генералом Ашимовым – серым кардиналом Каганата, формально ведавшим обороной и прочей безопасностью.

Приближаясь к северным воротам, Шал нагнал повозку, запряженную быками. Картина предстала сюрреалистичная, точно характеризующая состояние, в котором находился мир последние двадцать лет – технократичное общество, внезапно вернувшееся в средние века. И удивляли не избежавшие мутации животные, а повозка, превращенная из самобеглой в тяговую. Если внимательно всмотреться в грязь, пыль, трещины и вмятины на лакокрасочном покрытии, можно угадать его первоначальный цвет. И немного поломав голову, даже определить марку когда-то популярного автомобиля, рукой безжалостного дизайнера новой эпохи превращенного в обычную грузовую телегу.

*«Ну, так российский автопром еще не опускали», – мыс-*

ленно хмыкнул Шал.

В данном транспортном средстве претерпело кардинальные изменения все. Двигатель, естественно, отсутствовал; капот, крыша, стекла и крышка багажника тоже. Остались только рама, колеса, крылья и двери, что увеличило полезную площадь перевозимого багажа. Вместо двигателя красовался переставленный из салона задний диван, на котором и восседали счастливые обладатели этого чуда инженерной мысли. Старик в тубетейке, с седой бородой до груди, изредка взмахивал рукой, камчой поддавая «газку», и пара непоседливых пацанят-погодков вертелась рядом на сиденье. Грузеная деревянным стройматериалом повозка мягко катилась, подпрыгивая на ухабах. Видимо, разбирали уцелевшие дома, таким образом зарабатывая себе на хлеб, чем в основном и занимались неработоспособные жители Тараза, или расширяли собственную жилплощадь.

Поравнявшись с возницей, Шал поздоровался кивком головы, как вдруг заметил уцелевшие фары.

– И фары работают, отец? – насмешливо спросил он старика.

– Конечно, – серьезно кивнул тот, – аккумулятор-то рабочий.

– Ничего себе модернизация, – уважительно протянул Шал. – Внуки?

– Да, помогают деду, молодцы.

Не спуская глаз с привязанного к седлу пулемета, маль-

чишки притихли, перешептываясь между собой. Потом тот, что старше, осмелел после похвалы, хитро прищурился и нагло улыбнулся.

– Агай! Дай с пулемета стрельнуть!

– Может, тебе еще юрту показать, где патроны лежат? – хмыкнул Шал и поймал взгляд засмеявшегося старика. Тут же вспомнил великого комбинатора, чьи слова невольно перефразировал. Улыбнулся и сам, но точно сказать, почему они всплыли из глубин памяти, не смог бы. Может, железнодорожные пути, к которым они приблизились, навяли. Дорога, построенная тут сто лет назад, вела как раз к тому месту на карте Казахстана, где сын турецкоподданного настиг подпольного миллионера и получил заветный миллион. К маленькой станции, затерянной в степи, рядом с трассой Алматы – Усть-Каменогорск.

В город их пропустили беспрепятственно. Старику с внуками просто махнули, а Шала даже не спросили про пулемет, которого не было, когда он проходил тут днем. Подпись генерала Ашимова в охранном мандате, напечатанном в типографии на настоящей бумаге, творила чудеса, и избавляла от лишних вопросов.

Сразу за воротами начинался рынок, где предприимчивые люди пытались превратить в меновой товар любую вещь, имеющую хоть какую-то ценность, – от старой одежды до консервных банок и выдранной из стен электропроводки; словом, все то, что удавалось найти в брошенных или полу-

разрушенных домах. С наступлением вечера нескончаемый гомон только усилился. Кто-то продолжал торговать, надеясь к концу дня продать залежалый и непопулярный товар, громогласно рекламируя и привлекая к себе внимание, кто-то уже отгонял на скотный двор голодную животину. Настоящий восточный базар из сказок, но с поправками на новую реальность. Пахло горячими лепешками из тандыра, и для большего правдоподобия не хватало только разноцветных тканей, сладостей и сухофруктов. Зато свободно можно приобрести наркотики. Чуйская долина, такая близкая и плодородная, после радиоактивных осадков давала хороший урожай, и одежда из конопли пользовалась спросом, как и сто лет назад. А на то, что она имела еще какие-то свойства, в Каганате закрывали глаза. Да и забота о здоровье – личное дело каждого. По сути, оно и не интересовало никого. Меньше ртов, больше еды.

На площади за рынком люди не задерживались. Не всем нравилось зрелище, ставшее обыденностью, – символ работы современного правосудия, но безобразный лик смерти почему-то притягивал взоры редких зевак. Виселица, рассчитанная на шесть мест, оказалась занята наполовину. Лица казненных с полуприкрытыми глазами выглядели живыми из-за копошащихся на них насекомых, а перекошенные рты словно спрашивали о чем-то прохожих. И вроде все как обычно – заслуженное наказание за преступление, но появился один новый штрих. Несколько женщин бились в ис-

терике подле эшафота. Шал постоял в стороне несколько минут, пытаясь осмыслить происходящее, ведь раньше подобного не случалось – казнили, и поделом, кто будет убиваться по людям, что своими жестокими поступками отравляли соплеменникам и без того не особо радужное существование. Но теперь и такие нашлись. Наказав себе прояснить этот момент при случае, отправился дальше.

В местной комендатуре, куда его пропустили без задержки, пахло луком и бараньим жиром. Подобный морскому бризу, легкий аромат усиливался при приближении к источнику. Жар от сковороды вносил свою лепту в духоту помещения, с которой не справлялись даже открытые настежь окна.

Самат Калиев, двухметровый амбал, в затертом и выгоревшем на солнце камуфляже, стоял у электроплитки и что-то помешивал, невозмутимо отмахиваясь от мух. Несмотря на то, что окна выходили на восточную сторону, а солнце склонялось к западу, в кабинете было светло. В лучах солнца металлический забор у соседнего строения, словно зеркало, освещал эту половину здания, играя светом заодно и на потной лысине служивого.

Приходился он Шалу далеким родственником, о чем они узнали случайно, разговорившись как-то по душам за пиалой чая. В краю родоплеменных отношений до седьмого колена, где каждый третий мог оказаться троюродным братом, кумом, сватом, неожиданное родство было в порядке вещей. К тому же иметь родственника в правоохранительных орга-

нах и раньше считалось почетным, а в нынешнее время еще и выгодным, особенно для охотника за головами.

Правда, Самат не всегда был ментом. До Великой Скорби его никогда не взяли бы в полицию из-за неприятностей с законом по причине горячего нрава и пристрастия к хулиганским выходкам. Ну а после сам Аллах велел, ведь в Народную милицию Каганата набирали из населения, которое уже устало от беспредела расплодившихся банд и мечтало только об установлении на родной земле долгожданного спокойствия. Кадровые стражи порядка или давно сложили головы в неравной борьбе с преступностью, или стали начальством подобного контингента, у которого зачастую не было юридического образования. Конечно, были случаи, когда они и на другую сторону переходили, забыв о присяге, но жили после этого недолго. Самату служить понравилось. И постоянный паек, и небольшая, местечковая, но все же власть. Ну а кто на Востоке не любит покомандовать?

Шал с шумом уронил вещи в коридоре и вошел в кабинет с ПКМ в руках наперевес, словно герой боевиков из далеких девяностых.

– Салам, шериф! Пулемет купишь?

Страж порядка бросил на него короткий взгляд и принялся бить куриные яйца о сковороду.

– Купить? Я могу только отобрать. И вообще, за ужином дел не веду. Дай пожрать спокойно.

– Как ни приду, так ты жрешь. – Шал поставил пулемет

на письменный стол и скинул панаму.

– Так ты приходишь, когда я жрать сажусь. Нюх хороший, да?

– Не жалуюсь.

– Сам-то будешь? Жарить на тебя?

– Я, конечно, в застенках яичницей еще не лакомился, но спасибо, не хочу.

– Могу не только ужином угостить, но и ночлег организовать, – Самат хохотнул. – В обезьяннике. Там сегодня не занято. Зато платить за гостиницу не надо.

– Нет. Я лучше в караван-сарай пойду. Там душ есть. А у вас в камере блохи и вши сожрут.

– Ты жусан<sup>6</sup> за зданием нарви. Блохи его не любят.

– А вши?

– А вши, ну не знаю. – Самат снял с плитки сковороду и подошел к столу. – Убирай эту хрень, – он кивнул на оружие. – Где взял?

– Где взял, где взял... Там нету уже! Реквизировал. Один ты, что ли, отбирать умеешь?

– Джигит! Арматур-батыр<sup>7</sup>! – саркастически хмыкнул Самат. – Чай пей. Чайник горячий.

– Вот чаю выпью. – Шал с радостью воспользовался предложением и плеснул полкружки кипятка, добавив заварки из маленького чайничка. – Жарко. Не знаешь, когда дождь бу-

---

<sup>6</sup> Жусан – полынь.

<sup>7</sup> Арматур-батыр – терминатор (*шутка*).

дет?

– Не знаю. Казгидромет уже лет двадцать не работает. Но слышал я, старики черную корову ищут. Как найдут, обряд будут проводить. Глядишь, закончится жара и дождь пойдет.

– Надеюсь. – Шал подошел к доске с ориентировками и стал всматриваться в портреты преступников. Преобладали нарисованные карандашом изображения, точно передавая приметы разыскиваемых личностей. Работающие принтеры были редкостью, поэтому на стареньком компьютере составляли фотороботы, а с них потом вручную и переносили все на бумагу. Художники были на вес золота, работы для них хватало, поэтому жили они в относительном достатке.

Увидел Шал и тех знакомцев, что днем отправил к праотцам.

– Так. Балык, Бзал и Карлос – трупы, можешь вычеркивать.

Самат оторвался от яичницы, проследил за пальцем Шала и кивнул.

– Отработал уже? А доказательства где?

– Поверь мне на слово.

– Слово к делу не пришьешь. На основании чего тебе награду выдавать?

– Их смерть для меня уже награда. Кровники мои. А если нужны обстоятельства смерти, пожалуйста. Карлос – поперхнулся опиумной трубкой в «Навате». Балык не учел температурный режим окружающего воздуха. Жара и холодная

вода – сам понимаешь, такой удар по организму, а сердце, наверное, слабое было, вот в Таласе и утонул. Бзал – умер от потери крови. Балыка ты навряд ли найдешь, движется сейчас с потоком к Мойынкумам, а где найти этих двоих, могу сказать. Если Карлоса еще не закопали за «Наватом».

– А ты затейник, Шал.

– Да нет. Просто действую по обстановке.

– По обстановке, конечно... И смерть им подобрал в соответствии с их погонялами?

– Ну правда, так получилось. – Шал невинно улыбнулся.

– Ну ладно. Спасибо, что предупредил. Скажу своим, чтоб этих не искали. А ну пошли вон! Задолбали! – Самат отмахнулся от назойливых мух, кружащих над едой.

– А на площади кто загорает? Что-то не узнал их в гриме. Мух много. Кстати, прикинь, те, что с площади, уже сюда прилетели?

Самат поперхнулся.

– Э! Ты че, блин, завязывай! Я же кушаю!

– Да ты поел уже. – Шал ухмыльнулся и демонстративно отхлебнул чаю.

– Да перехотел уже! – Самат оттолкнул сковороду и откинулся на стуле. – То наши уроды! Одной ногой на двух камнях устоять хотели, собаки! Снюхались с кем-то из банды Иргаша и пару девчонок беспризорных за стену хотели переправить. Работоторговцы, мать их! Слышал про Иргаша?

– Угу.

– Уже когда сменяли они девчат, мы их и взяли. Бандиты, правда, живыми не дались, отстреливались до последнего, зато наши уцелели. Следствие и суд короткие – сам знаешь, что за это полагается. Вот и вялятся сейчас на площади.

– А ноет по ним кто?

– Да жены и ноют, кто ж еще. Кормильцев же повесили. Им сейчас или на панель, или вербоваться в Шымкент, на хлопковые поля.

– Равнозначный выбор. На полях сложнее, конечно, но...

– Ясное дело, это не ноги раздвигать.

– Это нам с тобой так кажется. – Шал отставил кружку и достал папиросу. – А им терпеть грязных, вонючих мужиков, которые и побить могут, и не заплатит. Так что неизвестно, что легче, ноги раздвигать или на полях горбатиться.

– Любишь ты все усложнять, – покачал головой Самат.

– А ты упрощать, – поддел родственника Шал. – Ну ладно. Пойду я. Отдохнуть хочу, устал. Так возьмешь пулемет?

– Я тебе что, коймаши<sup>8</sup>? Иди на склад да меняй.

– Бумагу пиши.

– Вот ты бюрократ! – проворчал Самат и достал огрызок бумаги. Быстро написав записку кладовщику, протянул ее Шалу. – Не наглей только там.

– Как получится. – Шал снова подошел к доске и ткнул пальцем в портрет. – Ахмеда встретишь, не трогай его. Он мой.

---

<sup>8</sup> Коймаши – кладовщик.

– Ладно. А ты тогда к Сухому ручью не ходи, его там нет, – засмеялся Самат, намекая, что прекрасно знаком с классикой.

Но Шал ответил серьезно.

– Я знаю, где он.

– Ну давай тогда, удачи. Смотри там в оба! Не подставься под пулю.

– Не дожدهшься!

Кладовщик, по совместительству заведующий в комендатуре вооружением, с радостью принял пулемет и предложил за него пистолет «стечкина» в потертой пластиковой кобуре, естественно, с доплатой с его стороны. Шал в раздумье повертел его, но согласился. Патроны «девятки» в коммерческом обороте найти сложнее, чем другого калибра, но коймаши давал в придачу пять полных обойм. Подумав, Шал отдал ненужный «макар» и коробки с пулеметной «семеркой», поменяв их на банку пороха, десяток пачек папирос и несколько магазинов «пятерки». Все же эти боеприпасы можно использовать не только как платежную единицу, но и по прямому назначению, благо «ксюха» имелась. Ну а порох лишним не будет, патроны для обреза и ружья чем-то нужно заряжать, и неизвестно, как с этим обстоят дела на востоке, куда предстояло отправиться с утра. Пожав друг другу руки, оба расставались в прекрасном расположении духа и взаимных пожеланиях долгих лет жизни.

*«Не особо-то я и снаглел»,* – подумал Шал, вспомнив на-

путствие Самата.

Комнату с кроватью в ближайшем к рынку караван-сарая ему дали с дополнительными удобствами, если их можно так назвать. Тусклая лампочка вместо светильника с бараньим жиром, бессильный в борьбе с духотой старый вентилятор под потолком и запирающаяся на замок дверь. Но с лишним патроном к оплате за «номер» почему бы и не почувствовать себя немного баем<sup>9</sup>? Все лучше, чем ночевать в общем зале, на тонкой кошме в качестве постели, разбросав вокруг себя пучки полыни для защиты от блох.

Оставив в комнате вещи и оружие, он запер дверь на ключ и отправился пристраивать коня – при караван-сарая имела и конюшня с кузницей. Тем более, Сабыр почему-то стал прихрамывать. Поручив накормить скакуна и разобраться с его ногами, направился для начала в летний душ, пока нагретая за день в емкости вода не остыла или вообще не закончилась после наплыва постояльцев. Впрочем, оплатить водные процедуры позволить себе могли не все, так что переживал он зря. С удовольствием смыв с себя пыль, поменял и задубевшую от пота рубаху. Потом неторопливо направился в ближайшую чайхану, где помимо чая можно было поесть и нормальной горячей еды. Рисовые поля под Кызылордой и пшеничные под Шымкентом не успели загубить благодаря умелому руководству Совета Старейшин Каганата, поэтому в меню присутствовали и плов, и бесбармак

---

<sup>9</sup> Бай – богач (каз.)

с лагманом. Вяленое мясо, конечно, весьма питательный суп-пай, но раз в сутки и сурпа должна побывать в желудке.

После ужина Шал занялся чисткой нового оружия. Полностью разобрал «стечкина», пощупав и смазав каждую деталь, после чего послушал работу механизма. Удовлетворившись результатом, долго сидел в задумчивости и курил, вспоминая дневные события. Несмотря на то, что удача улыбнулась, о везении говорить рано. Не обрати он вчера внимание на показавшегося знакомым человека у выхода из борделя, не получилось бы размотать клубок и добраться до других членов банды. Но в мире все имеет равновесие, и если везет сейчас, завтра удача может отвернуться. Поэтому Шал радоваться не спешил. Рано еще. Сначала нужно найти Мясника Ахмеда, а то слишком долго ходит уже по этой земле.

Враз потеряв смелость, подвешенный за ногу Бзал многое рассказал о своем подельнике, когда стал истекать кровью. Да и как тут не рассказать, если по тем местам, куда вошли пули, лупят кулаками. Что-то Шал знал сам, какие-то сведения оказались новыми, позволяя развеять те слухи, что ходили об Ахмеди Сыдыкове, которого искал не только он. СБ Каганата уже не раз устраивала облавы, когда информаторы сообщали о его появлении в Шымкенте. Видимо, отшельничество не входило в круг интересов и какая-никакая цивилизация привлекала больше, чем уединенная жизнь у черта на рогах. Монашеским же поведением, как и сдержанностью,

Сыдыков никогда не славился, за что и получил прозвище Мясник. Как говорил один классик – «я любил и женщин, и проказы», и именно этими пристрастиями ознаменовывался каждый его выход из подполья. Шал не мог понять, патологическая ненависть у Мясника была ко всем женщинам или только к труженицам любовного фронта, потому что после посещения любого борделя оставались трупы. Впрочем, трупы оказывались и в обычных селениях, если там проходил Сыдыков, и не всегда половая принадлежность играла большую роль, но шлюх он не любил больше других.

В очередной раз Ахмеда в Шымкенте взять не смогли. Он словно почувствовал подготовленный для него капкан, перестрелял засевших в засаде нукеров<sup>10</sup> генерала Ашимова и растворился на просторах Каганата. То ли подготовка к операции оказалась слабовата, то ли заранее предупредил кто об облаве, а может и правда обладал звериной чуйкой, как о нем говорили. Шал придерживался второй версии, что и подтвердил покойный Бзал. Родственные связи, как и обычный подкуп, никто не отменял. Была еще одна мысль, но ее он держал при себе, и при стражах порядка не озвучивал. Недооценили Ахмеда и не тех людей послали на поимку бандита, просто не тех.

Офицер из Службы Безопасности сам предложил Шалу сотрудничество, когда тот привел сдавать очередного «клиента». Сулил различные преференции за Сыдыкова в любом

---

<sup>10</sup> Нукер – дружинник (монг).

состоянии. Предпочтение отдавалось, конечно, живому, но при затруднениях с доставкой кровожадного бандюгана допускалась транспортировка по частям. Естественно, подходящим под опознание. Обычно Шал мог месяцами рыскать по степи в поисках «басы», как он называл людей, за которых Каганат назначал награды. Только разыскивал других преступников он между делом, а сам искал Мясника. В результате репутация закрепилась соответствующая – все, за что брался, Шал всегда доводил до конца. Взятся якобы «официально» и в этот раз, не столько из-за награды, сколько из-за преимуществ, что давало сотрудничество с СБ, а их было достаточно. Кроме новой информации, что предоставили по Мяснику, ему выдали охранный мандат, открывающий двери в любом населенном пункте, где присутствовала власть Каганата. С патентом на поимку преступников от Шымкентского отдела по борьбе с бандитизмом это имело двойной эффект.

В очередной раз прибыв в Тараз, Ахмеда он уже не застал, но зато случайно встретил Балыка, от которого и узнал местоположение остальных членов банды. Единственное, что было непонятно ему и никто из подельников Мясника не знал точно – зачем тот снова собирается в Шымкент, если только что его покинул, и это посещение омрачилось пристальным вниманием службы безопасности. До такой степени бесстрашен или просто обнаглел?

Шал не любил уродов. Моральных. Кривое дерево дает

кривую тень, и обычно родители сами сбивают своих детей с истинного пути. Моральное уродство передается по наследству. К тем же, у кого это являлось физическим изъяном, он относился с жалостью. Ненавидеть тех, кто старается жить по совести, даже несмотря на то, что судьба обошла их своей благосклонностью, нельзя. Ахмед же был не только моральным уродом, но и садистом. И за это Шал не только не собирался приводить его живым в СБ, но и приносить туда его голову.

Сáбыр вдруг споткнулся и захромал. Всхрапнул, зафыркал и пошел шагом, оправдывая свое имя. Тот, кто нарек коня, возможно, видел будущее и предполагал трудности, что свалятся на бедную животину. «Терпеливый». Впрочем, нынешний отрезок современной истории велел быть терпеливыми всем – не только животным, но и людям.

Остановив коня, Шал спешил, осмотрел ногу и выругался. Раздолбаи из караван-сарая перенесли на утро то, что просил сделать с вечера, а утром нашли более важные дела. Кузнец Касым вообще ушел на рынок, оставив кузню на помощника. Чтобы не задерживаться надолго в Таразе, пришлось согласиться на предложение его подмастерья, чем в очередной раз подтвердил народную мудрость, и даже не одну. Поспешишь, два раза заплатишь. И ведь убедил хитрый шакаленок, что к качеству его работы еще не было нареканий по причине отсутствия недовольных клиентов. Может

оно и так. А может, и нет их уже в живых этих клиентов, если в дальнем переходе конь потерял подкову благодаря халатности юного балбеса, возомнившего себя настоящим мастером. Если необходима была скорость, от которой зависела жизнь... Ну, теперь-то недовольные есть. Что вынуждает вернуться в Тараз, оставить пару замечаний кузнецу Касыму и пересчитать зубы его помощнику.

Сейчас же о быстрой езде нечего и думать. Подкова, лопнув пополам, вырвала часть копытной стенки. Следовало удалить оставшийся кусок металла, чтобы не портить копыто еще больше, да и для равномерного хода с другой ноги вторую подкову снять не мешало бы, но необходимого инструмента не было. Не думал он, что когда-нибудь случится подобное, и кроме оружия и оружейных принадлежностей другим инвентарем коня не нагружал. Покопавшись в рюкзаке, Шал выудил старую майку и обвязал ею ногу Сабыра, ничего другого в голову не пришло. Теперь при ходьбе оставшаяся половинка подковы только слегка позвякивала на разболтанных ухналях<sup>11</sup>, но, видимо, боль коню причиняла, слишком часто тот стал фыркать и припадать на ногу.

Шал сдвинул панаму на затылок, огляделся и пустил коня шагом. Не лопни подкова, тут все равно пришлось бы сбросить скорость, уж очень изрезанная балками и оврагами началась местность. К тому же сопки и небольшие холмы то-

---

<sup>11</sup> Ухналь – подковный гвоздь.

же не способствовали байге<sup>12</sup>, северо-западные склоны Киргизского Хребта постепенно растворялись в степи. Еще не равнина, но уже и не горы. Территория практически обезлюдившая – о присутствии человека напоминали только пустые строения когда-то жилых аулов и поселков, посещать которые нежелательно; встречались там и одичавшие собаки, которые давно забыли о многовековой дружбе с царем природы. И кроме обычного степного зверья забредали сюда порой с востока особи совсем новых видов с весьма кровожадными повадками, что сильно отличало их от местной живности.

День снова выдался жаркий, но куртку Шал снимать не стал. Потеряв скорость, требовалось быть внимательным вдвойне, мало ли кого привлечет запах разгоряченной конины и потного человека. Старая потертая кожа сулила первоначальную защиту от когтей, а остальное – дело техники, то бишь оружия. Приходилось обливаться потом и терпеть, но свежий горный ветер приносил хоть какое-то облегчение.

Посматривая по сторонам, Шал поигрывал рукоятью обреза, что покоился в набедренной кобуре, сделанной умельцами в Шымкенте. Из коровьих шкур там делали ремни и португепи на разный вкус, а ножны могли сварганить под любое холодное оружие, только плати. Как-то вспомнил, что много лет назад в фильме видел у крутой героини подобное, и заказал кобуру для обреза. Удобная штука оказалась. При должной сноровке обрез можно выхватить быстро, словно

---

<sup>12</sup> Байге – конные скачки (каз).

ковбой какой-нибудь, и пусть доработанный напильником ИЖ-43 длиннее «кольта», внезапно появившиеся стволы горячие головы остужают не хуже, чем на Диком Западе. Наученный горьким опытом, там же приобрел скаббард<sup>13</sup> в седельном исполнении и для вертикалки. Надоело, что ружье колотит по спине и оставляет синяки, которые потом мешают спать. К тому же на ходу достать его из кобуры у самого седла проще и быстрее, чем скинуть со спины. Но несмотря на то, что больше предпочитал гладкоствол, в седельной сумке пряталась и «ксюха» – скорострельность иногда тоже была необходима.

Позади раздался громкий шелест, и это точно был не свист ветра в вентиляционных отверстиях панамы. Яростный свист, по интонации похожий на мяуканье, оглушил. Сабыр вздрогнул, всхрипнул и попытался перейти на бег.

Шал резко обернулся, выхватывая из кобуры обрез и взводя курки. Его накрыло тенью и сильным потоком воздуха, сбив панаму с головы, и пусть готов он был к нападению кого угодно, но такого не ожидал совсем. Сверху спикировала громадная туша, обдавая шлейфом невыносимого зловония. Ягнятник-бородач.

Эти птицы и до войны были немаленькими, а за двадцать лет вымахали до еще больших размеров, что позволяло им изменить свои древние охотничьи повадки. Если раньше бородач питался в основном падалью, то сейчас мог позволить

---

<sup>13</sup> Скаббард – седельный чехол для оружия кобурного типа.

себе и свежак. Схватить любую жертву и поднять ее высоко от земли сил теперь хватало. Правда, любоваться в полете окружающими видами добыче предстояло недолго – на определенной высоте ее отпускали. А уж от того фарша, что получался из нее по приземлении, птичку не оторвать – и мясо мягкое, и косточки раздроблены. Вот только сам факт барражирования пернатой твари над голой степью немного удивлял. Предпочитали они в основном горную местность, где достаточно камней для того, чтобы жертву расплющило, и обитали восточнее. О том, что залетают и в эти места, сообщений еще не было. А может, потому и не было, что некому донести до людей?

Точности бородача можно только позавидовать. Гася крыльями скорость, он обрушился сверху и вцепился в левое плечо острыми, как кинжалы, когтями. Качнувшись от удара и чувствуя, как трещит куртка и рвется плоть, Шал закричал от боли и нажал на спуск, сразу оглохнув от выстрела. Перья в облаке пороховой гари полетели в стороны, и он получил удар в голову. Клюв скользнул по коже, рассекая ее практически до кости. На лице сразу стало горячо и остро, до тошноты, запахло кровью. По ушам резанул мяукающий свист и Шал почувствовал сильный рывок вверх. Благодаря стремянам он удержался в седле и снова выстрелил, направив ствол повыше лапы, которая держала его за плечо. Брызги крови птицы смешались с его собственной, которая хлестала из раны на голове и заливала левый глаз.

Ягнятник, яростно взмахнув крыльями, но не разжимая когтей, снова ударил, метя в темя. Потом еще и еще. Шал, обезумев от боли, выпустил из руки обрез и потянулся к ножу. Все же не зря он пришил ножны к куртке, ох не зря. Расположенный там рукоятью вниз нож пришелся очень кстати. О том, что где-то на боку болтается новый пистолет, он и забыл. Хотелось в ответ так же рвать чужую плоть, как рвали сейчас его.

Извернувшись, он взмахнул рукой, всадил нож куда-то над собой и получил ответный удар клювом. В глазах, и так залитых своей и чужой кровью, потемнело еще сильнее. Сабыр испуганно танцевал под ним и все норовил скинуть седока, но Шал, сосредоточенный на битве, не обращал внимания на поведение скакуна. Голова гудела от ударов, по силе похожих на плюхи боксера, и он чувствовал, что сил остается все меньше – еще немного, и все, окажется в нокауте. А там уже его доклюют. К тому же птица при каждом взмахе крыльев все сильней сжимала лапы, и от впившихся когтей левая рука не чувствовалась совсем. Казалось, ее уже нет.

Сабыр все же встал на дыбы. Шал ощутил, как скользит из седла вниз и тянет за собой нависающую тварь. Зарывав, он стал наносить частые удары ножом, чувствуя, как рука пружинит от тела ягнятника, чей громкий свист перешел уже на жалобное мяуканье. Рухнув на землю, Шал оказался снизу, но все равно получил скользкий удар в висок, успел попасть ножом пару раз куда-то еще, после чего силы покину-

ли его, и проваливаясь в темноту, он наконец почувствовал разжимающиеся на плече когти. Боль всколыхнулась с новой силой, пронеслась по всему телу и завершилась в голове яркой вспышкой. Жаль, не успел найти...

\* \* \*

*Кайрат заметил в зеркале заднего вида, что старший сын отстегнулся от кресла и исчез из поля зрения.*

*– Мейрам! Ты чего отстегнулся?*

*– Э! Ну-ка быстро верни ремень на место! – супруга извернулась и посмотрела назад.*

*– Да у Саулешки кукла упала! – послышалось из-за спинки.*

*– Сауле спит! Ей не до кукол сейчас! Быстро сядь и пристегнись!*

*– Я уже достал, – шестилетний Мейрам сел в детское кресло и стал возиться с ремнем.*

*Они уже выехали на алматинскую трассу из Капчагая, где у родителей Кайрата жил Мейрам. Несмотря на то, что по обычаю старшего ребенка отдают на воспитание дедушке и бабушке, настоящие родители о сыне не забывали и часто брали погостить в Алматы. Скоро у него день рождения, и они с женой решили устроить ему праздник. Аквапарк, аттракционы и мороженое, что еще нужно ребенку для счастья.*

*Фура впереди плелась словно черепаха. Кайрат включил поворотник и пошел на обгон, заметив в зеркале, что следом пристроились еще несколько машин. Что творят, не могли дождаться, пока он завершит маневр? А вдруг встречная?*

*Проскочив пыхтящий длинномер, Кайрат перестроился вправо, когда где-то впереди сверкнуло, больно резанув по глазам даже через темные очки. От неожиданности он зажмурился. Рядом закричала жена.*

*– Кайрат! Что это?*

*Он открыл глаза и замер. Далеко, в районе Алматы, вступало огромное облако, как в кадрах кинохроники об испытаниях ядерного оружия. Приборная панель вдруг погасла, и Кайрат почувствовал, что двигатель заглох. Впереди показались застывшие на трассе автомобили, он резко нажал на тормоз, но тяжелый джип еще продолжал движение по инерции, когда они врезались в ближайшую машину. Подушки безопасности почему-то не сработали, и больно приложившись лбом о руль, он услышал, как вскрикнула от боли жена, и заметил боковым зрением, как что-то прилетело с заднего сидения и разбило лобовое стекло. Что-то, или кто-то... А потом потерял сознание.*

# Глава третья. Выживший

*Июль 2033 года*

*Джамбульская область*

*Территория Шымкентского Каганата*

Заунывное пение раздражало. Иногда оно смолкало, и тогда раздавался шепот – то еле слышный, то громкий, шипящий и такой же противный, как и пение. Слова разобрать не получалось, да и не особо хотелось. Потому что отвлекала боль. Она начиналась где-то в районе левого плеча, пробежала судорогой по всему телу и заканчивалась тупыми ударами в голове. Ударами, похожими на громкий стук сердца или бубна. Боль иногда замолкала, оставляя после себя сладостное облегчение, сопровождаемое темнотой, но потом снова возвращалась, уже в новом облики – то тягучей, как смола, то острой, будто протыкающие кожу иглы. Из темноты постоянно тарасилась лошадиная морда. Она норовила укусьить за голову, скалясь при каждой новой попытке, и запах, отдающий смрадом гниения, шел не только из ее пасти. Казалось, он витает повсюду. Шепот, сменяемый пением, отгонял лошадь, и тогда слышался дробный стук копыт вместе со звоном сломанных подков и громким мяуканьем, совсем не похожим на кошачье.

Беспамятство сменилось глубоким беспокойным сном, но внешний раздражитель вывел его из долгого забытья. Большая толстая муха ползала по повязке, не добираясь до раны, и с противным, громким звуком перелетала на другое место на лице, принимаясь исследовать новую территорию. Пару раз даже укусила человека за щеку, но неуловимый сладковатый запах отмирающих и обновленных клеток манил сильнее, и она неизменно возвращалась обратно. Где-то под белой пористой тканью скрывалось изумительное лакомство, до которого хотелось добраться раньше товаров, летающих на улице.

Неосознанно, еще находясь во власти кошмаров, Шал махнул рукой, пытаясь отогнать назойливое насекомое, и зацепил место, скрытое повязкой. Тупая боль пронзила лицо, и он закричал. Тотчас проснулся, не понимая, где находится. Его окружал полумрак, слабо разгоняемый столбом света откуда-то сверху. Казалось, мрак из сна не хочет его отпустить. В памяти еще держались какие-то образы и мелькали тени, которые хватили и тащили в антрацитовую темноту. И слышались непонятные слова, произносимые тихим голосом. Глаз, не скрытый повязкой, наконец стал различать предметы вокруг. Пока затухала пульсирующая боль, он разглядел кереге – решетчатые стены, означающие одно: это юрта, а не преддверие ада.

Скрипнули входные двери, и в помещение проник дневной свет. Послышались быстрые шаги, кто-то присел на

корточки рядом с Шалом. Заметив открытый глаз, человек улыбнулся.

– Очнулся? Наконец-то! Я думал, помрешь.

Шал хотел что-то спросить, но горло вдруг пересохло, и он смог только прохрипеть.

– Пить...

– Ай молодец! Вода – это жизнь. А чтобы жить, нужно пить. Правильно, пей. Много пей.

Откуда-то взялась пиала с водой, и мужчина, приподняв Шалу голову, помог напиться.

– Рахмет...

Голос обрел твердость, и Шал снова попытался задать мучающий его вопрос.

– Где я?

– Ох и любопытный ты казах. – Человек рассмеялся. – Спи. Сил набирайся. Потом все расскажу.

Муха снова попыталась сесть на повязку, но ее тут же прогнал взмах руки.

– Ты тут откуда!?! А ну кыш! Рано ему помирать! Пошла, пошла!

Мужчина схватил какую-то тряпку и начал гоняться за насекомым. По древнему казахскому поверию, душа, покидая тело больного, находится рядом в образе мухи, и если не прогнать ее из жилища, больной умрет.

Не подозревая о человеческих обычаях, насекомое оценило угрозу своей жизни и устремилось на свет в дверном

проеме.

– Вот так! – довольно заметил мужчина. – Придет еще твое время. А пока рано.

Он повернулся к Шалу.

– Отдыхай, казах.

Тот послушно закрыл глаза.

\* \* \*

*Опущенное по плечи в воду тело корчилось в сильных судорогах, пытаясь сбросить сидящего на нем человека и поднять голову. Но тот пресекал все попытки, упираясь коленом в спину и крепко держа за волосы. Движения постепенно затихали и вскоре прекратились совсем. Запахло мочой. Человек безглаголиво сморщился и поднялся.*

– У, шошка. Даже подохнуть не смог как мужчина!

*Схватив покойника за ноги, он сбросил того в воду, и некоторое время наблюдал, как тело, увлекаемое мутным потоком Таласа, периодически скрывается на глубине и снова показывается на поверхности...*

\* \* \*

Солнечный луч коснулся шанырака<sup>14</sup> и осветил внутрен-

---

<sup>14</sup> Шанырак – конструктивный элемент, венчающий купол юрты в виде решет-

нее убранство юрты. Шал проснулся, следуя позывам мочевого пузыря, и попытался подняться, что удалось ему с трудом. Опираясь на здоровую руку, он сел, подождав, пока пройдет головокружение, осторожно встал и, пошатываясь, направился к двери.

Степь встретила его смешанным ароматом клевера и жусана, из очага – саксаула, и веселым щебетаньем воробьев. Зажмурившись от яркого утреннего солнца, позабыв о естественном зове организма, он несколько минут стоял, вцепившись в створку двери и вдыхая запах простора, так похожего на дыхание свободы. Казалось, с каждой струей легкого и упругого воздуха, принесенной ветром с южных гор, в него вливаются живительные силы родной земли, и боль, поселившаяся в левой руке, уходит.

Откуда-то выскочила собачонка и залилась яростным лаем, следом послышался знакомый голос.

– А ну прекрати! Расшумелась мне тут. Больного разбудишь.

Заметив Шала, мужчина удивился.

– Ой, бай! Ты чего встал? Лежать тебе надо.

– Отлить хочу, – больной поморщился.

– А-а-а! Понятно. Дойдешь?

– Да.

---

чатой крестовины, вписанной в круг. Предназначен для удерживания боковых элементов купола и создания проема для попадания солнечного света и выхода дыма от очага.

– Молодец, казах. Выглядишь уже более живым, чем вчера. Ну, иди. Ко мне, Ит! – мужчина похлопал себя по ноге. – Не мешай.

Собака, виляя хвостом и уже забыв о незнакомце, послушно затрусила к хозяину. Шал, опираясь о стену юрты, двинулся дальше.

Вернувшись, стал осматриваться вокруг. На пологом склоне неглубокой балки, по дну которой протекал ручей, стояли три юрты, две большего размера и одна маленькая, откуда он и вышел. Не заметив сразу, только сейчас разглядел, что над входом его временного убежища на шесте показывался череп лошади, выбеленный солнцем. Оберег. Но от чего?

Рядом с юртами располагался очаг, окруженный большими камнями, а неказистый навес из кривых веток карагача и соломы скрывал в тени донгелек – низкий круглый стол, у которого лежали разноцветные покрывала – корпе. Чуть в стороне небольшая кошара с баранами, откуда молодой парнишка выгнал отару на выпас, рядом – загон с лошадьми, среди которых он разглядел и Сабыра. Тот почуял хозяина и приветственно заржал. Шал улыбнулся и махнул ему здоровой рукой.

Снова откуда-то появилась собака, и за ней тот же мужчина, одетый в халат и синие штаны свободного покроя. Шал наконец смог хорошо его рассмотреть. Невысокого роста, худощав и, как ему показалось еще в юрте, преклонного воз-

раста. Теперь же он понял, что морщины на лице и вокруг глаз не только от старости, но и от постоянной улыбки. Обутый в ичиги с калошами, мужчина слегка прихрамывал.

– Ну что, казах, сделал свои дела? Как рука? Голова кружится?

– Немного.

– Сотрясение. И правильно, как ему не быть, если так долбили по голове. Кушать хочешь? Пошли. Завтракать пора. И ты столько времени на воде и бульоне, нужно уже более существенного чего-то поесть.

– Сколько? – спросил Шал, внутренне напрягшись.

– Да уж где-то недели две, наверное, – пожал плечами мужчина.

– Сколько!?

– Не помню точно. Надо у Еркебая спросить. Ну пойдем, пойдем. Потом будем разговаривать. Нужно покушать сначала.

Старик направился к навесу, но заметив, что Шал не сделал и шага, остановился.

– Чего ждешь, казах? Идем.

– Где я? Куда попал?

– Ты в урочище Кыстау. Тут живет баксы Еркебай, шаман. Слышал о таком?

– Нет.

– Неудивительно. Шаманов официальная религия не признает за то, что они являются носителями истинной казах-

ской духовности, и всячески порицает обращения к ним. А людская молва не столь молниеносна – не то, что новости когда-то на «Хабаре»<sup>15</sup>. Пойдем за стол. Вопросы Еркебау не задавай. Мне задавай. Что знаю, отвечу. Зовут меня Фаты. А тебя?

– Шал.

– Э! Какой ты шал? – засмеялся старик. – Вот я шал, а ты молодой еще. Как зовут-то?

– Кайрат, – после некоторого раздумья ответил Шал.

– Жаксы<sup>16</sup>, Кайрат. Идем.

Он двинулся следом за старым Фаты к навесу, под которым уже копошились две женщины. Молодая, в красном халате с воротником-стойкой, многоцветными вышивками на рукавах и в шароварах; другая, постарше, в одеянии такого же фасона, но темно-красного цвета. У обеих на головах темные платки. За разговором со стариком он даже не заметил их появления. Шал приложил руку к сердцу, здороваясь с ними. Те в ответ поклонились, и молодая женщина принесла ему кувшин с водой и полотенце.

– Давай-давай, садись, казах, – Фаты нетерпеливо уселся за стол, и показал, куда садиться. – Чаю сначала? Хороший чай, из шиповника и чебреца. Узбекский чай дорогой, приходится травы заваривать. Но они полезные. Или, может, сразу мяса, а? – старик засмеялся. – Сил нужно набираться,

---

<sup>15</sup> «Хабар» – государственный телеканал Республики Казахстан.

<sup>16</sup> Жаксы – хорошо (*каз*).

да?

Стукнула дверь юрты, и на улице появился пожилой мужчина лет восьмидесяти, одетый в казахский халат и непонятный головной убор из перьев, веревочек и чего-то еще. Не торопясь он направился к очагу.

– Еркебай-ага, – прошептал Фаты, наклонившись к Шалу.

Шаман подошел к огню, присел на корточки и что-то тихонько забормотал, но и сквозь неугомонный щебет пернатых его слова были хорошо различимы.

– Огонь, огонь, гори, но не разгорайся! Дай силу, но не убивай! Ты господин, огонь! Мир шатается, равновесия нет. А когда придет, никто не знает...

Последние слова стали совсем неразборчивыми, и через мгновение шаман встал и подошел к навесу. Шал поднялся и приложил руку к сердцу.

– Ассалаумагалейкум, ага!

– Ваалейкум ассалам! – кивнул Еркебай. – Как себя чувствуешь?

– Спасибо, хорошо.

– Жаксы. Садись. Ешь, пей. Набирайся сил.

Шал сел на место, потянулся к пиале с чаем и отхлебнул терпкий напиток.

– Как я сюда попал, Фаты-ага?

– Помнишь, как в старом кино говорили? Стреляли. Вот и мы услышали, что стреляют. Редко тут у нас такое. Пошли на выстрелы, нашли тебя, коня и большого бородача. Мертвого.

Ты не лучше был. Если бы не услышали твою пальбу, помер бы. Но выходили мы тебя, слава Всевышнему. Дунганская медицина – самая лучшая медицина в мире, а знания баксыы сильнее пенициллина, точно тебе говорю.

– Вы дунганин? – удивился Шал.

– Да. Мой отец был из дунганского рода шанси, а мать – из рода гансу.

Это объяснило и пристрастие Фаты делать ударение на национальность, и непонятную одежду женщин. Нынешние дунгане приходились потомками хуэйцзу. Те переселились в эти места из Северного Китая в девятнадцатом веке, спасаясь от преследования манчжуро-китайских властей после подавления освободительного восстания. Естественно, они отличались от казахов и культурой, и языком. Непонятно только, почему живут в этом урочище и дунгане, и казахи, потому что шаман Еркебай явно был казахом.

Шал почесал голову в районе повязки.

– Что, чешется? – улыбнулся Фаты. – Значит, заживает. Наверное, уже можно повязки снять, да, Еркебай-ага?

Шаман прямо с пиалой в руке застыл и смотрел куда-то вглубь степи. Просидев молча несколько минут, медленно перевел взгляд на гостя и тихо сказал:

– Знаю, торопишься ты. Но цель твоя ведет к Иблису<sup>17</sup>. Руки твои в крови сейчас, и долго еще будут в крови, пока не сменишь свое занятие. Когда решишь свернуть с того пути,

---

<sup>17</sup> Иблис – дьявол.

что выбрал, приходи, сниму твои грехи. Я знаю, как. А чтобы скорее ты поправился, необходимо провести курбан, потому что бесы властвуют над тобой.

Шаман отставил пиалу и поднялся.

– Повязки снять можно. Швы тоже. Фаты, готовь гостя к курбану. Чем скорее мы его проведем, тем раньше он поправится. Спешит он.

Развернувшись, Еркебай направился в свою юрту.

Фаты посмотрел в след шаману, потом на Шала и усмехнулся.

– Еркебай, судя по всему, боится твоего присутствия. Видимо, и правда, бесы рядом с тобой. А ты, казах, темная лошадка. И немудрено, судя по количеству оружия, которое было при тебе.

– Хочешь жить, учись стрелять, – хмуро заметил Шал, потянувшись к тарелке с мясом. – Из всего, что стреляет. Я – умею. Поэтому и таскаю арсенал, на всякий случай. А они охренеть какие всякие бывают.

– Это ты про бородача?

– Угу.

– Вообще не пойму, что он тут забыл. Не летали они тут никогда, – задумчиво сказал старик. – Я слышал, что там, – он махнул рукой куда-то на восток, – их много. Может, поэтому, кто уходит в сторону Чу, редко возвращаются. Говорят, и коня могут утащить. Кстати, а кто коня тебе так подковал? Руки бы ему оторвать.

– Я ему и так их оторву. Доберусь только.

– Замучился я ухнали вытаскивать. Вовремя. Еще немного, и нельзя было бы очень долго кататься на твоей коняге. Будешь в Кулане, это недалеко тут, поищи коваля. Есть там хороший.

Шал кивнул.

– Ну что, поел? Начнем процедуры?

– Какие?

– Швы снимать будем.

– Начнем, – согласился Шал.

– Шахадат! – закричал Фаты. – Шахадат!

Из юрты выскочила молодая женщина, которую Шал ранее уже видел у навеса.

– Иди, иди сюда, дочка! Захвати инструменты медицинские и все что надо. Дочка моя, – гордо заявил старик, когда та снова скрылась в юрте, и помрачнел. – Молодая еще, а настрадалась уже в жизни. Через много лет после Года Великой Скорби мор пришел. Детей своих пережила. Мужа. Но хоть сама жива осталась, все старику радость. С тех пор много воды и слез утекло. Ты сам как, женат?

Шал отрицательно мотнул головой.

– Присмотрись, может, понравится, – заговорчески подмигнул старый дунганин, – да оставайся у нас.

– Не могу. Дело есть незаконченное.

– Так заканчивай и возвращайся.

– Поглядим, – хмыкнул Шал.

Пришла Шахадат, принесла поцарапанный бокс с инструментами, чистую ткань и какой-то небольшой бутылек с потертой этикеткой.

– Видишь, у нас, как в полевом госпитале. Вот, даже спирт есть.

– Так вы врач?

– Да. Ветеринар.

Старик в предвкушении потер ладони, потом оторвал от ткани небольшой кусок, смочил в спирте и обтер руки.

– Давай. Начнем с головы.

Фаты священнодействовал пару минут, осторожно снял повязку и посмотрел на Шала. Потом зацокал языком.

– Ой, бай! Бабы на тебя смотреть теперь не будут, казах.

– Так все страшно?

– Ну как тебе сказать... хотя, смотреть будут. И скорее всего, жалеть. Так что, может, еще больше успех у женщин будет, – дунганин засмеялся.

– Умеете вы поддержать в трудную минуту, Фаты-ага, – хмуро буркнул Шал. – Есть зеркало?

– Не сцы, казах, – Фаты откровенно забавлялся. – Дочка, принеси ему зеркало. И побрить бы тебя не мешало. Но это входит в обряд. Еркебай сам побреет. Так положено.

Шахадат принесла зеркало, с полуулыбкой вручив его Шалу. Он поблагодарил и проводил ее взглядом, пока она возвращалась в юрту. Сразу не разглядел, а женщина оказалась очень привлекательной.

Потом скептически осмотрел себя и сокрушенно цыкнул. Только не по той причине, что озвучил старый шутник Фаты. Отныне о незаметности можно забыть. Если раньше заурядная внешность внимания не привлекала, то теперь имелась хорошо заметная отличительная черта. Кривой розовый шрам шел от темени к левому уху, виску и спускался к глазу, заканчиваясь на веке, отчего сам глаз казался постоянно полуприкрытым. И как заметил дунганин, волосы действительно следовало побрить. Слишком рваными седыми участками они топорщились в тех местах, где их выстригали, чтобы сшить края раны.

– Расстроился? – с участливой улыбкой поинтересовался старик.

– Ага. Не столько из-за женщин, сколько из-за того, что теперь любая собака узнать может.

– А! Так ты теперь привлекательней стал, чем раньше? – догадался Фаты.

– Точно.

– Не повезло, значит, – вздохнул старик и взял из бокса пинцет и ножницы. – Ну, подставляй башку.

Шал несколько минут слушал, как клацает пинцет, вытаскивающий из кожи нитки, и морщился, но не от боли, а скорее от щекотки. Потом спросил.

– А как вы тут оказались, Фаты-ага? У Еркебая.

– Так вот после того мора и оказались мы тут. Сначала умер Дюмаш, муж Шахадат, потом ее дети, а там и я был на

границы. Притащили меня сюда на тачке дочка и сестра моя, ты ее видел, а Еркебай выходил меня. Так и остались мы тут, помогать ему, в миру нас ничто не держало. Потом еще люди приходили, кто оставался надолго, кто нет. Энергия Еркебая лечит. Он и тебя вытащил с того света, я только заштопал. А он несколько ночей проводил обряды, читал молитвы. Сейчас курбан проведем, как новый будешь. Заново родишься. Давай руку.

Фаты помог Шалу снять нательную рубаху и стал размазывать повязку на руке и плече. Осмотрел и потрогал розовые рубцы, оставшиеся от когтей ягнятника.

– Все хорошо. Не гноится даже. Больно?

Кайрат кивнул.

– Ты почаще руку разминай, чтобы мышцы скорее в норму пришли. С левой руки стреляешь?

– Приходилось.

– А сейчас пока не сможешь.

– Выкручусь как-нибудь, – отмахнулся Шал.

Он несколько раз сжал кулак, чувствуя в руке, кроме боли, некоторое онемение.

– Только тебе все равно придется поработать этой рукой уже сейчас, – вздохнул Фаты. – Для обряда ты должен сам поймать барана.

– Надо – поймаю.

– Тогда иди, лови, – заключил Фаты.

– Уже? – удивился Шал.

– А чего тянуть? Вот, уже и Еркебай вышел.

Действительно, рядом с юртой стоял шаман, уже в другом одеянии, и напряженно вглядывался в небо.

– Пока он там высматривает злых духов, пошли, покажу, кого ловить. Он еще вчера дал указания. Это оставь, не понадобится, – остановил старик Шала, потянувшегося к рубашке.

Они прошли к кошаре, и Фаты несколько минут всматривался в пятерку овец, не взятых на выпас и оставленных на выбор специально для обряда.

– Да вон того, полностью черного, и лови.

– Если дал указания еще вчера насчет овцы, зачем оставили пятерых, а, Фаты-ага?

– Чтобы усложнить задачу тебе, – усмехнулся старик. – По обычаю ты вообще их должен где-то купить, а сюда прийти уже с овцой и бараном.

– Понятно, – вздохнул Шал.

Он постоял немного у ограды, борясь с сомнениями относительно эзотерической процедуры, что должна была произойти. Потом ему стало стыдно. Незнакомые люди, пытаясь помочь, время на него тратят, а он тут вдруг колебаться изволил. Нехорошо.

Голый по пояс, на ходу разминая и массируя раненую руку, Шал перелез через ограду, оставив неверие с той стороны, и осторожно направился к овцам. Увидев незнакомого человека и словно почувствовав его намерения, животные

стали отходить в сторону, а черный баран, тряся курдючным задом, забился в самую гущу, прячась среди остальных.

– Пушайт. Пушайт. Бар, бар, – ласково позвал овец Шал.

Некоторые посмотрели на него с интересом, но приближаться не думали. Чтобы привыкли к его присутствию, Шал стал медленно прохаживаться в стороне, всем своим видом демонстрируя полное безразличие. Щурясь от яркого солнца, зависшего над горной грядой, и подставляя тело под теплые лучи, остановился, осматривая окрестности, но не выпуская животных из поля зрения.

Постепенно овцы перестали обращать на него внимания и стали разбредаться по кошаре. Шал же начал двигаться. Медленно, шаг за шагом, он приближался к указанной цели.

Позади раздался насмешливый голос дунганина.

– Ну чего ты там вола пасешь, казах?

Шал по привычке быстро поднял правый кулак вверх. «Замри».

– Не знаю, чего ты там показываешь, но молчу, молчу.

Еще пара медленных шагов, снова имитация безразличного прохожего, и вот нужный баран рядом. Чем-то привлеченный, он долго всматривался в человека, потом вернулся к еще не съеденной отарой траве. Шал только этого и ждал. Подобравшись, он сделал бросок, падая на землю, и схватил барана за заднюю ногу. Тот заблеял, всполошив остальных овец, задергался, но Шал его не отпускал. Встал с колен и потащил к ограде, где рядом с дунганином уже стоял Ерке-

бай.

– Молодец, казах, – довольно резюмировал Фаты. – Давай сюда, – он открыл дверцу кошары и схватил барана за уши.

– Туда. – Еркебай указал место, куда вести животное.

Фаты с Шалом дотащили сопротивляющуюся жертву и остановились.

Еркебай скомандовал.

– Лезь под него.

Шал не понял и посмотрел на Фаты.

– Прямо под барана и лезь, как тебе говорят. Проползешь под ним на пузе, потом обратно на спине, и снова заползешь на пузе. Давай.

Шал опустился на землю и, стараясь сильно не опираться на больную руку, помогая себе здоровой, с трудом заполз под животное. В нос ударил запах травы и свалявшейся шерсти.

Послышалось еле слышное заунывное распевание, которым шаман вводил себя в транс.

– Жер-Ана<sup>18</sup>, обращаюсь смиренно к тебе. – Тихий голос Еркебая постепенно набирал силу, становясь громче. – Пусть твой аруах<sup>19</sup> примет эту жертву и простит грехи этому человеку.

Шал выполз из-под барана, перевернулся на спину и, отталкиваясь ногами от земли, заполз под него уже на спине, царапая кожу о землю и траву. Животное, удерживаемое Фа-

---

<sup>18</sup> Жер-Ана – мать-земля.

<sup>19</sup> Аруах – дух.

ты за голову, смиренно стояло во время всего обряда. Выполнив предписанное, Шал снова пополз на животе.

– Замри, казах, – тихо подсказал Фаты.

Шал замер, когда его плечи снова оказались под бараном. Еркебай подошел к животному и достал нож.

– Прими, Кошкар-ата<sup>20</sup>, душу этого барана и забери боль этого человека.

Шал услышал, как животное, умирая, захрипело, и на его плечи и голову из разрезанного горла, как гарантия милости духов, полилась горячая кровь. Фаты, раскорячившись над больным, продолжал держать барана за голову и ноги, пока тот бился в предсмертной агонии. Через несколько минут он убрал тушу.

– Вставай и иди за мной. – Еркебай направился в сторону ручья.

Кайрат послушно поднялся с земли и пошел за шаманом. На берегу Еркебай остановился и приказал ему окунуться в воду с головой, смыть с себя кровь и семь раз перевернуться по течению ручья. Выходить велел не оглядываясь, чтобы не вернулись хворь и старые грехи.

Вода оказалась ледяной, и пришлось сделать над собой усилие, чтобы сразу не выскочить на берег. Пока Шал плескался в ручье, на него вдруг нахлынуло невероятное умиротворение. Он действительно почувствовал себя заново рожденным, ведь сам обряд так похож на процесс рождения –

---

<sup>20</sup> Кошкар-ата – дух-покровитель овец.

прохождение через родовые пути в крови и последующее омывание водой.

Вдруг захотелось остаться в этом урочище навсегда, за чаем вести беседы с неунывающим Фаты, разговорить молчаливого Еркебая и узнать что-то новое, и, может быть, посвататься к Шахадат – что-то завораживающее он разглядел в ее глазах. Окружающая атмосфера почему-то напомнила давно забытый домашний уют, характерный для джайляу. Когда несколько летних месяцев живешь на свежем воздухе, вдали от городской суеты.

Но несмотря на привлекательность неожиданного желанья, где-то в душе оставалось чувство беспокойства и волнения в ожидании грядущих неприятностей. Что это было? Интуиция, которая никогда не подводила, или совесть? Чувство и сознание моральной ответственности перед самим собой и перед другими, чьи жизни, возможно, уже прервались или подвергаются опасности, пока он тут вынужденно бездельничает?

Нет, не время еще уходить на покой, пусть голова и покрыта давно серебром, а через год закончится пятый десяток. Совесть не даст потом жить спокойно. Дела нужно доделывать.

С мыслями о кровожадном Сыдыкове Шал выбрался на берег. Рядом с Еркебаем уже стояла Шахадат, державшая в руках бритвенный станок и плоску с мыльной пеной. Шал все понял и молча опустился на колени перед шаманом, что-

бы завершить последний пункт обряда.

На следующий день Шал проснулся рано, когда небо на востоке только начинало наливаться малиновым цветом. Невзирая на холод, долго сидел у берега ручья, наслаждаясь ароматом ночной степи, и массировал раненую руку. Уходить отсюда не хотелось. Витало в этом месте что-то эфемерное и безмятежное, наполняя душу гармонией. Уже два десятилетия он таких чувств не испытывал, все больше преобладали тревога, постоянное ожидание неприятностей и опасности. Последние годы он словно пребывал в состоянии войны, в которое его ввели, а вывести забыли.

Ему казалось, что он давно находится в урочище, и даже Ит, ни разу на него не твякнув, тихонько сидела рядом, признав незнакомца своим. Глухо рычала, когда где-то в степи раздавался то ли визг, то ли вой, чем-то похожий на вой гиен, отродясь в этих местах не водившихся. Кто это был, Шал не знал, но непонятная живность попыток приблизиться к урочищу не предпринимала. Не исключено, что Еркебай использовал что-то из своих шаманских заговоров.

Слушая размеренный стрекот кузнечиков, невольно залюбовался встающим над Тянь-Шанем солнцем, которое окрашивало заснеженные пики в багровый цвет. Солнечные лучи коснулись обритой головы, будто сам Тенгри, бог Первотворец, приветствовал недавно рожденного человека, считая его безгрешным и чистым, наполняя своей силой и энерги-

ей. Но и без этого Шал уже чувствовал в себе силы для продолжения пути.

Помассировав ноющий на виске шрам, он вернулся в юрту, где еще вчера нашел свои вещи. Одежда оказалась выстирана и кое-как вычищена от крови, а старую кожаную куртку, изрядно потертую и порванную когтями, кто-то зашил весьма искусно. Шахадат или сестра Фаты? Кого из них благодарить? Панаму он не нашел – видимо, потерялась в степи при атаке бородача, и только оружие было свалено в кучу у стены юрты. Вытащив арсенал на улицу, он уселся прямо на земле, поджав под себя ноги, и разложил на куртке требующий ухода огнестрел. Обрез оказался чересчур изгваздан в засохшей крови и пыли, «стечкин» только немного запылен, вертикалку и «ксюху» почистил уже больше для профилактики. За этим занятием и застали его проснувшиеся жители урочища. Мешать никто не стал, и только Фаты подошел поприветствовать.

– Доброе утро, казах. Ты ранний, словно жаворонок, летающий над степью.

– Доброе утро, Фаты-ага. Отоспался я, пока без сознания лежал. Не спится уже.

– Соскучился? – старик кивнул на разобранный оружье.

– Не то чтобы сильно, – хмыкнул Шал, – скорее, необходимая обязанность. Чем заботливей обращаешься с оружием, тем уверенней себя чувствуешь.

Он вздохнул.

– И, наверное, я сегодня уже вас покину. Пора мне.

– Уверен? – нахмурился Фаты. – Ты слаб еще.

– Уверен! – твердо ответил Шал. – Мне действительно пора. Дела не ждут. А слабость, она пройдет. И рука работает хорошо.

Он взял вычищенный обрез, прицелился, вытянув руку и направив стволы в сторону степи. Только долго держать стреляющий кусок металла не смог, не вернулась еще в мышцы былая сила. Обессиленно уронив руку на колени, Шал спрятал глаза, чтобы не смотреть на старика.

– А говоришь, работает, – усмехнулся Фаты. – Рано еще тебе уходить, полежать надо.

– Нет, – покачал головой Шал. – Пора мне. Да и Сабыр застоялся уже.

Действительно, конь, заслышав голос хозяина, нетерпеливо нарезал круги по загону.

– Когда планируешь ехать?

– Да вот дочищу оружие, переоденусь и поеду.

– Даже чаю не попьешь? – улыбнулся Фаты.

– Угостите – попью, – в ответ улыбнулся Шал.

– Пойду, потороплю женщин с завтраком. – Старик вздохнул и ушел.

Закончив с чисткой оружия, Шал вернулся в юрту, переделся и вынес седло. Вывел довольного, но чумазого коня из загона, привязал к ограде и тщательно вычистил. Не хватало еще, чтобы что-то натерло ему спину под седлом. Ста-

рался работать больше левой рукой, чтобы быстрее привести в норму. Иногда ее то крутило изнутри, то постреливало в суставах, но он старался не обращать на это внимания. Мышцы порой начинали самопроизвольно пульсировать в такт сердцу и успокаивались только тогда, когда он сильно сжимал беспокойное место другой рукой. Постелив вальтрап и амортизатор из мягкой подкладки, положил седло и затянул подпругу. И когда уже надевал уздечку, его позвали к столу.

Под навесом дунганин стал жаловаться шаману.

– Этот неугомонный уже в дорогу собрался. Может, вы, Еркебай-ага, образумите его?

– Нет, Фаты, не сможем мы удержать в руках неприрученного коршуна. Даже раненый, он будет рваться на свободу, – философски ответил шаман. – А нашему гостю действительно пора. Груз ответственности сродни мукам совести, и может так же сильно истязать душу. Не стоит удерживать того, кто рвется в путь.

– Эх, – горько вздохнул дунганин. – Ты кушай на дорожку, кушай. Шахадат! – позвал он дочь. – Собери что-нибудь Кайрату в дорогу.

– Еркебай-ага, – обратился Шал к шаману. – Скажите, чем я смогу отблагодарить вас за доброту? Может быть, вам нужно оружие? Забирайте любой ствол. Или, хотите, коня оставлю?

– Нет, – покачал головой Еркебай. – Конь тебе нужней,

как и оружие.

– Может, сахару пусть раздобудет, Еркебай-ага? – влез с предложением Фаты.

– Нет, Фаты, – отрезал шаман, – есть в мире более важные вещи, чем твое минутное желание.

Он посмотрел на Шала и медленно, с паузами, заговорил.

– Послушай, сынок. Стар я уже. Знаю, недолго мне осталось ходить по берегу этого чистого ручья. Знания и силу передать тут некому. Ученик должен быть безгрешен. А чисты от грехов только дети. И в них сильней зиждется сила Жер-аны, сильней теплится искорка Создателя, чем в нас, уже познавших греховную сущность бытия. Я знаю, куда ты держишь путь. Это недалеко. Но именно там живет тот, кто мне подходит. Мальчишка, лет семи. До меня дошла молва, что умеет он разговаривать с любыми животными и подчинять их своей воле. Это очень хорошая особенность для баксы́. Приведи его сюда. Живет он с матерью и сестрой. И их приводи. Все равно бедствуют. А тут им будет хорошо.

Шал кивнул. В том, о чем просил старый шаман, не было ничего сверхсложного. Просто уговорить мать мальчика переехать из населенного пункта вглубь степи, подальше от людей. Нужно только найти верные аргументы. И он был уверен, что найдет. Иначе не выполнить просьбу будет не только неуважением к старшему, но и черной неблагодарностью. А неблагодарность являлась самым паскудным из всех пороков.

– Приведу, – твердо сказал Шал. – Обещаю.

Еркебай довольно кивнул, принимая обещание.

– Ну, чего ты не ешь? – Фаты поставил поближе тарелку с мясом и подкинул баурсаков. – В дороге проголодаешься.

– Рахмет, Фаты-ага, ем. – Шал потянулся к еде.

– Такое чувство, что родственник уезжает. – Дунганин не знал, чем себя занять, и все вертелся на месте. – Ты уж там постарайся поскорей дела сделать.

Шал хмыкнул и улыбнулся. Поведение старика было понятно без слов – он все надеялся выдать дочь замуж.

Наевшись и напившись чаю, Шал провел ладонями по лицу и поднялся.

– Спасибо большое за угощение, за вашу заботу обо мне. Я безмерно вам благодарен.

Он вернулся к коню и стал навешивать на себя оружие. Перекинув через плечо ремешок «стечкина», обрез сунул в набедренную кобуру, а вертикалку в седельную, но тут подошел Фаты и потрогал рукоять пистолета.

– Это что, маузер у тебя?

– Нет, агай, «стечкин» это.

– А похож на маузер. Знаешь что, – дунганин задумался, потом посветлел лицом, что-то вспомнив, – я сейчас приду.

Он быстро убежал и скрылся в юрте. Пришла Шахадат и принесла котомку с едой.

– Вот, возьмите. Покушаете в дороге.

– Рахмет, Шахадат, – улыбнулся Шал и склонил голову в

благодарность.

Прибежал запыхавшийся Фаты и протянул черную мохнатую шапку.

– Держи. Туркменская. Подарили много лет назад, но я не ношу. А тебе нужней. Лысину береги.

Шал повертел подарок и, улыбнувшись, натянул на голову.

– Вылитый басмач, – засмеялся дунганин, – хоть сейчас в кино сниматься.

– Ага, белое солнце Тараза, – хмыкнул Шал, представив себя со стороны. В кожаной куртке, мохнатой шапке и с кобурой, так похожей на маузеровскую, он должен был напоминать курбаши – предводителя воинства свободных джигитов, не обремененных принадлежностью к какому-нибудь государству. Сабли только не хватало.

Он подошел к шаману и пожал с благодарностью руку. Тот ударил его легонько два раза по раненому плечу и что-то прошептал. Потом добавил уже вслух.

– Доброй дороги, сынок, пусть хранят тебя Жер-ана и Создатель.

– Давай, казах, удачи. – Фаты приобнял Шала. – Возвращайся.

Шал влез на коня и поднял руку.

– Счастливо оставаться. Еще раз огромная благодарность за все.

Он толкнул пятками Сабыра в бока, и тот послушно на-

правился в степь. Чувствуя спиной взгляды провожающих,  
Шал не стал оглядываться, а пустил коня рысью.

# Глава четвертая. Сгоряча стрелять не стоит

*Июль 2033 года*

*Жамбыльская область*

*Район Турара Рыскулова*

Кулан казался вымершим. Широкая улица делила большой аул на две части, и по обеим ее сторонам ветхие дома чернели провалами пустых окон. Ракеты в этом регионе не падали, но многие крыши не уцелели, словно по ним прошла взрывная волна. Степь и в мирное время славилась ветрами, но во время ядерной зимы, установившейся на несколько лет после Великой Скорби, они оказались чрезмерно сильны и постоянны.

Пространства между домами пустовали. Заборы или сгнили, сваленные ураганами, или давно сгорели в печах, обогреть оставшихся жителей. Поглядывая на следы запустения, Шал не мог понять, есть ли тут люди вообще. По словам старого Фаты, в Кулане жил кузнец, только давно ли дунганин выбирался из урочища? Но и Еркебай-ага утверждал, что где-то здесь семья так ему нужного мальчика. Где их искать? Одному осмотреть тысячи пустых домов нереально. Оставалось надеяться, что все же встретится кто-нибудь, кого мож-

но расспросить. Может, покинули люди Кулан и перебрались в Луговой, станция совсем рядом. По прямой если – всего пара километров от аула.

Сабыр размеренно цокал копытами по старому, в трещинах, асфальту, из которого местами проглядывала уже пожелтевшая и сухая, несмотря на середину лета, трава. Порывы ветра временами усиливались, и пыльная буря стелилась по улицам и тащила за собой редкие кусты перекаати-поля, поднимаясь в воздух небольшими завихрениями. В детстве взрослые запрещали приближаться к подобным явлениям, объясняя это играми злых духов. Якобы это все забавы джиннов, которые могли с легкостью завладеть наивными детскими душами и утащить с собой. Лет до десяти он еще верил в эти рассказы, но потом смело ступил в подобный мини-смерч, решив проверить, так ли это. Тогда получился результат, о котором никому из сверстников почему-то не рассказывал – завихрение просто исчезло. Через пару минут оно снова появилось и продолжило свой путь, а повторив опыт, ничего, кроме пыльной обуви, он больше не добился. То ли не нужна оказалась духам его душа, то ли взрослые, как обычно, все приукрасили, но рассказывать об этом родителям он все равно не решился.

Подарок старика-дунганина оказался хорошим. В зимнее время будет в самый раз, голову греет отлично. Только летом чересчур жарко. Вспомнив с грустью о старой панаме, Шал спрятал шапку в сумку и достал кусок ткани. Задолго до то-

го, как обзавелся армейским головным убором, использовал ее в качестве банданы – вот и сейчас с облегчением повязал на голову, а то так и сопреть недолго, и свежий шрам от пота чешется сильнее. Кроме того, остатка тряпки, что свисает на затылке, хватило и лицо прикрыть. Мало ли какую гадость поднимает ветер с песком, дыши потом ею.

Впереди послышался собачий лай, и следом галдеж детских голосов. Дорогу перебежала небольшая стая тощих собак, а через мгновение из боковой улочки в том же направлении высыпала вооруженная палками ватага босоногих пацанов. Внимания на всадника никто не обратил, кроме хромого мальчишки в хвосте толпы – тот замер на месте и стоял не шелохнувшись, пока Шал не приблизился. Потом вдруг закричал, засвистел вслед убегающим товарищам и сделал попытку их догнать.

– Пстой, бала. Не убегай!

Пацан остановился, но приближаться не стал, и только испуганно поглядывал то на всадника, то в ту сторону, куда убежали остальные.

– Не бойся, бала, не кусаюсь. Просто спросить хочу.

– Что?

– Где остальные жители? Такой большой аул, а никого нет.

– Здесь не живет никто. Там живут, – малец махнул рукой на восток, в том же направлении, куда тянулась улица, – у мечети.

– А кузнец есть у вас?

– Тоже там.

– Ясно, – кивнул Шал, – спасибо.

Он причмокнул, дернув поводьями, и когда Сабыр сделал шаг, снова их натянул. Конь послушно остановился.

– А чего за собаками гоняетесь? – поинтересовался он у пацана, который уже собирался дать деру.

– Кусаются больно. – Мальчишка показал на свою ногу.

– Понятно, – усмехнулся Шал, – мечь. Я думал, кушать хочется.

– И кушать тоже, – буркнул пацан.

– Догоняй братву, а то без тебя всех съедят.

– Не съедят. Меня же покусали.

– Резонно. – Шала разобрал смех. – Право первой кости.

Беги.

Пацан, прихрамывая и что-то выкрикивая, побежал дальше.

Улица немного петляла, и после очередного изгиба среди частных домов стали появляться здания, прежде бывшие общественными, – школа, редакция местной газеты, пара магазинов, – а дальше уже виднелись стены мечети. Когда-то белое строение стало серым, синий минарет давно поблек и облез, местами покрывшись ржавчиной. Аул заканчивался сразу за мечетью, и впереди виднелось бескрайнее пространство желто-зеленой степи, накрытой куполом голубого неба с росчерками белых облаков. Из боковой улочки, идущей параллельно предыдущей, появилась та же толпа сорванцов, и

целенаправленно припустила за Шалом. Видимо, пострадавший пацан уже поделился главной новостью, и неизвестный человек для них оказался важнее установления доминирующего статуса своего вида на территории или добычи пропитания.

Внешний вид юного воинства представлял красочное зрелище. Обычная одежда из потрепанных штанов и таких же рубашек с короткими рваными рукавами или вообще без них была усилена подобием доспехов из линолеума и кусков жести. Вооружение состояло из дубинок, длинных заостренных палок и нескольких луков. Бритые наголо и загоревшие до черна, они скорее напоминали воинов африканского племени из предгорий Килиманджаро, чем сынов степного народа. Настоящие дети апокалипсиса.

Окружив всадника, мальчишки загалдели наперебой, яростно споря о калибре ружья, что торчало из кобуры рядом с седлом. Вдруг один, по виду самый старший, громко свистнул и поднял руку. Остальные послушно замолчали. Пацан важно подошел к Шалу и протянул руку.

– Ассаламаллейкум, агай.

– И тебе салам, бала, – кивнул всадник, пожав в ответ ладонь мальчишки, – ты тут вожак?

– Я. А вы откуда приехали?

– Издалека, бала, издалека. Отсюда не видно. Скажи-ка мне, где тут у вас кузнец?

– Там, – пацан показал на выезд из аула, – слева старая

заправка, там он и живет.

– Спасибо, – кивнул Шал. – Зовут его как?

– Нурлыбек. А это шестнадцатый калибр или двенадцатый? – пацан похлопал по прикладу ружья.

– Двенашка, – хмыкнул Кайрат, – а что?

Мальчишка повернулся к товарищам и победно изрек.

– Поняли? Я ж говорил, двенадцатый! Агай, а агай! А есть пара лишних патронов? Или порох? Нам очень надо!

– Зачем?

– Самострел сделать. Собаки озверели совсем. Вчера Айсулу покусали, сегодня, вон, Серика.

– Домашние озверели?

– Дикие. Домашние на цепи сидят и дома охраняют. А эти с окрестных аулов приходят и в стаи сбиваются. На взрослых не кидаются, а детям за двор не выйти, – подросток сплюнул сквозь зубы.

– А взрослые где? Чего они эту проблему не решат?

– У них свои дела, – махнул рукой пацан в сторону степи. – Днем скот пасут, ночью его охраняют. Да мы и сами взрослые уже. Разберемся.

– Молодцы, – кивнул Шал и сунул руку в сумку.

Где-то заваялось у него несколько старых бумажных патронов – отсырели, а перезарядить их руки не доходили. Пороху в запасе достаточно, поэтому решил этот брак пожертвовать юным охотникам.

– С дробью пойдет? Тройка. – Шал достал жменю патро-

нов.

– О-о-о! Большой рахмет, агай! – Подросток подставил ладони.

Толпа довольно зашумела, комментируя, как изменится теперь расстановка сил в ауле.

– Спасибо в карман не положишь, – возразил Шал, и патроны отдавать не спешил. – Скажи мне лучше, что за пацан тут у вас животных может приручать?

– Так это не у нас. В Луговом.

– Это же рядом. Чего его не попросите помочь в борьбе с шавками? Пусть поколдует, приманит, а вы тут – раз, и перебьете всех скопом.

– Балашка он, – презрительно скривился подросток, – малой еще. За юбку мамкину держится и от дома не отходит далеко.

– С порохом не переборщи, а то ствол самострела разорвет, – предупредил Шал, отсыпав все же патроны в протянутые ладони.

– Хорошо, агай, – кивнул пацан, – спасибо. Пойдем мы.

– Хорошей охоты, Маугли. – Шал улыбнулся.

На лице подростка мелькнуло недоумение, но нетерпеливые товарищи, желая быстрее потрогать раздобытые боеприпасы, сбили его с мысли, и он занялся защитой патронов, отпихивая протянутые руки.

Провожая их взглядом, Шал нахмурился. Нескоро еще наступят времена, когда у новых поколений будет нормаль-

ное детство, без необходимости сызмальства бороться за свое существование. Злость мальчишек можно понять. Когда-то лучшие друзья человека, служившие ему верой и правдой, вдруг превратились во врага, прекрасно знакомого с повадками своего противника. Местным детям собаки попались хоть и одичавшие, но, по сути, еще домашние, без примеси волков, коих в степи предостаточно. И если такие гибриды внешне похожи на волков, то повадками напоминали собак. Человека не боятся совершенно, скрытны и жестоки, а преследуя добычу, никогда не подают голоса. Так что детям в этом плане еще повезло, и пусть немного, но чем-то Шал им все же помог. Единственное, отчего он не смог бы дать защиты, так это от бешенства, и глядя им вслед, он не знал, сколько жить осталось покусанным ребятишкам.

Старая заправка в километре от аула оказалась целым придорожным комплексом – СТО, шиномонтаж, автомойка и, собственно, АЗС. На выцветших и ржавых вывесках еще угадывались буквы на двух языках – казахском и русском. Из распахнутых настежь ворот слышался размеренный звон металла. Само же здание АЗС давно превратили в укрепленное автономное жилище – в зарешеченных окнах павильона просматривались мешки с песком, а на крыше, рядом с трубой буржуйки, активно вертелся трехлопастный винт ветряного генератора. Заправочные колонки демонтированы и свалены кучей у одной из торцовых стен СТО, а между колоннами, где они когда-то стояли, натянуты веревки, на которых бол-

талось какое-то тряпье. Жестяной профиль навеса местами отошел и теперь противно поскрипывал, мотыляемый порывами ветра.

– Ну что, Сабыржан, терпеливая ты душа. – Шал похлопал коня по шее. – Куда тебя сначала, на шиномонтаж или мойку? Хотя сначала работа, потом мыться. Да?

Сабыр фыркнул и потряс головой, словно соглашаясь с предложенной повесткой предстоящих мероприятий.

– Да шучу я.

Шал спрыгнул с коня и поправил в кобуре обрез. Стук кувалды прекратился, и в проеме появился кузнец. Одетый только в штаны и потертый кожаный фартук, он лоснился от пота. Худощавый, лет тридцати. Волосы коротко стрижены, а на лице чернели редкие островки растительности, которые принято называть бородой.

– Салам, – поздоровался Шал.

Кузнец, не сводя с него настороженных глаз, кивнул.

– Салам.

– Коня нужно подковать. Сделаешь?

– Чем платишь?

– Патронами. Могу самокрутом, могу пятеркой.

– Пятера.

– Сколько?

– Двадцать. По пятаку за ногу.

Шал подумал и кивнул.

– Сойдет. Хоть и дороговато для провинции.

Закинув ружье на плечо, снял с крупа коня сумку и рюкзак и сложил их у ворот. Нурлыбек подошел к Сабыру и осмотрел каждую ногу. Наметанный взгляд сразу заметил следы предыдущейковки и поврежденное копыто.

– Давно расковали?

– Да уж недели две.

– Хорошо. Копыто зажило, можно снова ковать.

Пока кузнец работал, Шал к нему присматривался. Несмотря на опущенное подобие бороды, лицо ему показалось знакомым. Память на лица была хорошей. Шал мог не вспомнить место, где он встречал человека, мог забыть имя, даже если это кто-то из знакомых, но лицо почему-то запоминалось навсегда. И к тому же коваль нервничал. Не любит, когда стоят над душой? Шал и не мешал особо, просто ходил по кузне и осматривался. Не любит незнакомых людей? Или чего-то боится? Нужно попробовать прощупать его. Тем более вроде вспоминается причина, почему это лицо может быть знакомо. А не в Таразе ли он видел это лицо, на доске в кабинете Самата?

Он сдвинул в сторону старое одеяло, зачем-то висевшее на стене. Под ним, на том же гвозде, колыхнулся «калаш». «Семьдесят четвертый».

– Слушай, а ты никогда для портретов не позировал? – неожиданно спросил Шал, вернув одеяло на место.

– Чего? – Кузнец уронил подкову и недоуменно уставился на него.

– Ну, портреты с тебя не рисовали? А то, может, я видел где. В галерее какой-нибудь? Лицо твое знакомо.

– Часто по галереям ходишь? – Коваль поднял подкову и потянулся к ухналям.

– Вообще не хожу, – цвыркнул зубом Шал. – Не осталось сейчас галерей. Не тянет людей к прекрасному. Все больше бытовухой озабочены, выживанием. Сожрать соседа, чтобы другие не заметили, например. Или прирезать в подворотне...

Рука кузнеца дрогнула, молоток сорвался и стукнул не по гвоздю, а по подкове. Сабыр недовольно фыркнул.

– Да и художники сейчас другим на жизнь зарабатывают. Плакатики всякие рисуют. С лицами.

Шал встал так, чтобы свет из ворот падал на лицо кузнеца, и прищурился.

– Определенно, где-то я тебя видел. Давно тут живешь?

– С рождения. – Кузнец старался не смотреть по сторонам, сосредоточившись на работе.

– А на заправке?

– Второй год. В ауле кузня сгорела, а тут помещения хорошие. Чтобы не бегать туда-сюда с работы домой, здесь и поселился с семьей.

– Угу, второй год. Как раз совпадает по времени, когда в Шымкенте зарезали замкомвзвода Внешней охраны. Как же его звали? – Шал задумался.

Нурлыбек отпустил ногу Сабыра, подошел к инструмен-

ту, разложенному на верстаке, и стал там копать, что-то выбирая.

– Ергазин! Точно! Адай Ергазин, – вспомнил Шал.

Он тихо направился к верстаку, и когда коваль обернулся с арматурой, заостренной с одного конца, уже был рядом. Глаза кузнеца не скрывали намерений. Убить того, кто знает его тайну. Только Шал имел свое мнение на этот счет. И так быстро умирать не собирался, слишком много незаконченных дел вдруг навалилось. Теперь вот еще один бегун от правосудия на длинные дистанции нарисовался. Не зря раньше говорили, что неожиданные дела имеют свойство снежной лавины – то тишь да гладь, то вдруг завалят по самую макушку, и потом мучайся, разгребай.

Шал стрелять не стал, хоть рука уже и лежала на потертой рукоятке обреза. Пока Нурлыбек всматривался в силуэт на фоне открытых ворот и замахивался, он сделал быстрый шаг навстречу и выбросил ногу вперед. Кузнец охнул и, застонав словно от внезапной зубной боли, скрючился, схватившись рукой за пах. Шал резким движением вырвал арматуру из руки и тут же снова махнул ногой, стукнув внутренней стороной сапога по ступне. Нурлыбек от подсечки упал на пол. Шал осмотрел острие металлической пики и удовлетворенно хмыкнул. Если метнуть с силой, человека проткнет за просто. Направил арматуру в горло поверженному беглецу, слегка надавил и насмешливо улыбнулся.

– Так за что ты его?

Кузнец злобно поднял на него глаза и выдавил.

– Он на жену мою глаз положил. Проходу не давал.

– А поговорить с ним не пробовал? Или пожаловаться на него?

– Говорить пробовал. Он мне морду набил, – прохрипел кузнец, – а жаловаться без толку. Когда у нас власть своих прихлебателей наказывала?

– Ну, это да. Есть такое дело, и всегда было. Но генерал Ашимов вроде твердый мужик. Спуску не дает и своим ну-керам, не только населению.

– Да меня бы не пустили к нему! – взорвался кузнец и дернулся, но острие у горла отрезвило и успокоило. – В лучшем случае измордовали, в худшем пристрелили бы. А Ергазин все наглел. Я, может, и не убивал бы его! Жена полы мыла на станции, а они как раз вокзал охраняли. Я в мастерских рядом работал, вагоны ремонтировали. Домой уже пора было, зашел за женой в служебные помещения и услышал ее крик. Он ее в кабинет начальника станции затащил и хотел оприходовать.

– Я же говорю, видел твое лицо. В Управе СБ, на стенде. И в Таразе, в комендатуре. Там много таких портретов. Как в художественной галерее.

– Ты из Управления?

– Нет, я вольный охотник.

– За головами?

– Ну не за жопами же, – фыркнул Шал. – За головы как-то

охотней платят, их опознать проще. Ладно. Поднимайся. Будем считать, что я тебе поверил. Работай давай. Тороплюсь я.

Он убрал арматуру с горла и швырнул на верстак. Нурлыбек, все еще постанывая и придерживая пах, вернулся к инструменту и принялся за работу, искоса посматривая на Шала. Тот, также не выпуская хозяина из поля зрения, боком прошелся по кузне. Кто его знает, метнет еще пику в спину, и прощай этот дивный паскудный мир. Правда, пока он снова потянется к арматуре, Шал успеет его пристрелить, но кто тогда подкует коня? Да и Фаты говорил, что коваль хороший человек. Может, так оно и есть?

Он присел у рюкзака, достал автоматный рожок и дождался, когда снова раздастся стук молотка. Пока коваль занимался следующей ногой Сабыра, сместился к верстаку и отщелкал оговоренное количество патронов.

Людей из Управления СБ, в отличие от Народной милиции, не любили ни в Шымкенте, ни в Таразе, но самого генерала Ашимова народ уважал. Благодаря его умелой организации существующей системы безопасности жизнь в городах была почти похожа на нормальную, еще довоенную, с порядком и законом. Да, порой перегибали палку, но слишком много находилось сторонников анархии, что жили одним днем и думали только о себе. Поэтому любого, кого заподозрили в оппозиционных взглядах по отношению к действующей власти, высылали за пределы городов, набирать-

ся уму-разуму подальше от цивилизации. Конечно, кто-то уходил сам или, как Нурлыбек, сбегал. Особо за инакомыслие не преследовали, но если «Летучий отряд» СБ узнавал о местоположении какого-либо активного бунтаря или опасного преступника, могли и заявиться по его мятежную душу. Имея в пользовании довоенный транспорт, отряд передвигался очень быстро, в отличие от конных охотников, за что и назывался летучим.

– По сути, ты все сделал правильно. Я, будь на твоём месте, сделал бы так же. Честь семьи нужно защищать. И правильно сделал, что свинтил оттуда. Повесить не повесили бы, но в Ленгер прямая дорога. Нескоро бы жену увидел. Так что живи пока. Мне такая бытовуха неинтересна. Ты мне лучше вот что скажи. В последнее время незнакомцы у вас не обьявлялись случайно?

– Не видел. Ко мне не приходили.

– И не слышал? Пацаны местные, может, видели кого? Они же явно на одном месте не сидят. В Луговой-то бегают, наверное.

– Бегают. Но ничего не рассказывали такого. Да мне и не инте...

– Не свисти! – перебил Шал. – Не интересно ему. Не боишься, что ли, что тебя найдет кто-нибудь из каганатских? Боишься же. Выскочил сразу, как я подъехал. В ожидании все время. И мешков с песком натаскал, смотрю. К осаде готовишься?

Нурлыбек исподлобья смотрел на охотника.

– Боюсь, да. Но не только таких, как ты. Ночью степь беспокойна. Зверье ходит вокруг заправки. Поэтому и мешки с песком.

– А в Кулан не заходят, что ли?

– Заходят. Там людей тоже мало, но все начеку и в обороне.

– Может, проще построить ограду, как в Луговом, и защищаться скопом?

– Думали. Но решили, что каждый сам за себя. Часть домов старых разобрали, достроили свои, расширились. Где крыши снимали, там навесов построили над загонами, чтобы ни сверху, ни с боков никто не проник.

– Короче, приспособились. Ясно все с вами.

– Готово.

Нурлыбек отпустил ногу коня, собрал инструмент и вернулся к верстаку. Помолчав, все-таки спросил.

– Тебе бытовуха неинтересна. А другим? Скажешь, где меня искать?

Шал посмотрел на кузнеца. Задумался. Успокоить и обнадеежить или нагнать еще большей жути, чтобы не расслаблялся? «Карающая длань Каганата незрима, а пути его воинов неисповедимы». Так, кажется, любит говорить генерал Ашимов.

– Зачем? Договор о сотрудничестве у меня только на поминку опасных преступников, а ты неопасный. Но, по идее,

коль уж я тебя нашел, должен доставить для суда. Значит, тащить тебя нужно в Шымкент. А у меня другие дела, в один котел два барана не поместятся. Если встретится кто из наших, трепаться о тебе не стану. Не люблю я таких, что приходят на все готовое.

– Забери патроны. За молчание.

– Действительно. Но немного оставляю, ты их заработал. Только если в пути подкову потеряю, вернусь, и руку сломаю.

– Не потеряешь, – успокоил кузнец, – на совесть делаю всегда.

– Хорошо тогда.

Шал неторопливо защелкнул пятнадцать патронов обратно в магазин, водрузил на Сабыра поклажу и вывел его из кузни.

– Удачи, Нурлыбек. Не расслабляйся сильно. Помни, не так уж далеко ты и убежал.

– Я запомню.

– Хоп, – кивнул Шал.

На перекрестке дороги, ведущей в Луговой, располагалась еще одна АЗС, и там немного Шал задержался, уж больно живописный стоял указатель. Пару лет назад он уже бывал на станции, но пришел тогда с другой стороны и этой достопримечательности не видел. Облезлый щит вместо цен на топливо отображал нынешние реалии. На самом верху красовались два черепа, бараний и коровий, а четыре крупные белые буквы и стрелка указывали только один пункт назначения,

ожидающий того, кто рискнет двинуться по трассе дальше на восток. «Өлім» – по-казахски «смерть». Ворона, лениво долбя кость, с интересом уставилась на всадника, потом взмахнула крыльями и каркнула, торопя с принятием решения.

– Мне туда не надо, курица, – проворчал Шал и завернул коня к Луговому.

Мост на трассе перед станцией оказался разрушен. Все же несколько опор не выстояли во время встряски, которую устроила растревоженная природа, и чтобы не тратить силы коня на преодоление насыпи, пришлось объезжать лепестки автомобильной развязки по широкой дуге. Поселок оказался в лучшем состоянии, чем лет тридцать назад, когда сильное землетрясение разрушило оба населенных пункта – и Кулан, и Луговой, почти до самого основания. Саманные здания не выдержали тогда внезапного удара стихии, и только материальная помощь со всей республики позволила обеспечить пострадавших новым жильем. Дома, отстроенные за десять лет до Великой Скорби, сейчас пустовали, и жилым стал только центр города. Переняв в Таразе древнюю схему защиты города, опустевшие районы отделили от заселенных, перегородив свободные пространства баррикадами, которые при желании можно было, конечно, преодолеть, потратив на это некоторое время и имея начальные зачатки разума. Но в основном отбиваться приходилось от дикого зверья, так что оборонительные свойства этого подобия крепостной стены жителей вполне устраивали.

Асфальт в поселке закончился на самом въезде, толком не успев начаться, и под копытами иногда похрустывал гравий, заметаемый песком и пылью. Ворота из листов железа разного размера больше походили на лоскутное одеяло, и днем были распахнуты настежь. Наблюдательный пост над ними соорудили из установленного вертикально длинного железнодорожного контейнера, обзорная же площадка состояла из навеса, мешков с песком и располовиненных бортовых створок от грузовой платформы. С нее на крышу соседнего двухэтажного здания, где стоял пулемет, защитники прокинули мостик из таких же бортов.

Мешки с песком и старые покрышки у ворот образовывали подобие бруствера для защиты часовых, которых почему-то в поле видимости не наблюдалось. Остановив коня перед этим контрольно-пропускным пунктом, Шал свистнул. Через несколько минут над мешками появилась пара заспанных лиц местной охраны.

– Салам, джигиты! – зычно поприветствовал их Шал.

Один из стражей вышел на дорогу и поздоровался. Лицо молодого парня было незнакомо, но это и неудивительно. Шал в прошлый раз в Луговом пробыл недолго и друзей, кроме акима, завести не успел.

– Солдат спит, служба идет, да? Как служба-то? – спросил он с улыбкой.

– Нормально.

– Э-э-э, неверно отвечаешь, сразу видно, в армии не слу-

жил. Нужно говорить: служба, как мед!

– Что такое мед?

Вопрос поставил Шала в тупик. Он и забыл, что поколение, вступившее в зрелость уже после Великой Скорби, незнакомо со многими довоенными вещами, и начать сейчас объяснять – значит потратить много времени.

– Ну... неважно. Я проеду?

– Проезжай, – безучастно пожал плечами страж.

Шал поддал пятками по бокам Сабыра, и тот послушно шагнул в раскрытый зев ворот.

Подобное гостеприимство удивляло. В прошлый раз охрана оказалась более сознательной и дисциплинированной, и просто так пропускать его не хотела. Может, эти нукеры устали? Если обленились, то с такой организацией обороны Луговому существовать оставалось недолго, чего совсем не хотелось. Люди тут жили добрые. С этой станцией Шала связывали в первую очередь детские воспоминания. Именно тогда он посещал ее в первый раз, когда приезжал с отцом проведать старшего брата, служившего на местном аэродроме. Как говорится, ноги сами находят дорогу в знакомый аул, и словно в подтверждение старой поговорки, потом приходилось часто бывать, привозя медвежье мясо из Гранитогорска на обмен.

Людей на улицах встречалось мало, в основном старики, сидящие в тени домов или деревьев. Работоспособное население маячило на огородах, обозначив себя сгорбленными

спинами. Заслышав стук копыт, владельцы земельных наделов у самой дороги распрямлялись, рассматривая незнакомца кто настороженно, кто с интересом, и вежливо здоровались первыми. Все же не смогла последняя война вытравить традиционное гостеприимство из уцелевшего народа. Не до конца еще озлобились люди друг на друга, и это радовало.

На площади, у здания бывшего акимата<sup>21</sup>, в тени карагача отдыхали четверо бородатых мужчин с оружием, перебрасываясь шутками с кружащей вокруг оравой мальчишек. Местный гарнизон? С интересом проводив его взглядами, четверка стала тихо переговариваться между собой. Привлеченные новым гостем, мальчишки метнулись и окружили Шала, предлагая на продажу холодную воду. Он улыбнулся и спрыгнул с коня, случайно взглянув на крыльцо акимата. Улыбка вдруг застыла, стала напоминать оскал, а глаза превратились в узкие щелки.

По ступеням спускалась знакомая по ориентировке личность. Коротко стриженная, слегка приплюснутая с боков голова, на довольном лоснящемся лице наглая улыбка. Ахмед Сыдыков собственной персоной. Все же он представлял его немного другим, пониже и не таким крупным.

Рука произвольно потянулась к обрезу, но Шал себя остановил. Стрелять сгоряча не стоит. Поговорка не зря гласит: гнев впереди – ум позади. Неизвестно, один ли Ахмед

---

<sup>21</sup> Акимат – районная государственная администрация в РК. Аким – руководитель населенного пункта, района, города или области.

или с подельниками, о которых Шал еще не знал.

Скользнув взглядом по спешившемуся всаднику, Ахмед танцующей походкой уверенного в собственной неуязвимости человека подошел к дереву и стал размахивать руками, что-то тихо объясняя сидящим там людям.

Шал, стиснув зубы, взвел курки, но толпа пацанов, увидев, что он потерял к ним интерес, разочарованно отправилась восвояси, оказавшись вдруг на линии огня.

# Глава пятая. На ловца и зверь...

*Июль 2033 года*

*Жамбыльская область*

*Район Турара Рыскулова*

*Село Луговой*

Ахмед покинул акимат, довольно улыбаясь. В прошлое посещение Лугового он внес коррективы в кадровый вопрос местной исполнительной власти, чем обеспечил себе безмерную благодарность человека, ставшего новым акимом. Главным условием являлась полная непричастность заказчика, и Ахмед неожиданно для себя подошел к этому с творческой стороны, хотя обычно предпочитал решать дела банальной пулей или росчерком пера по горлу. Подброшенная в кабинет мутировавшая тварь быстро решила проблему со ставленником Каганата. Его помощник, героически обезвредив опасную гадину, тотчас сообщил в Шымкент о безвременной кончине своего начальника и, естественно, был назначен преемником, на что, собственно, и делался расчет изначально.

Теперь в Луговом правит свой человек, который пойдет на все ради власти. Пусть маленькой, но власти. Ахмед не понимал, что люди в ней находят. Иргаш, старший брат, мечтая о славе Абылай-хана и Темуджина, тоже к ней стремится и

совершает слишком много загадочных действий, которые не объясняет. Какое удовольствие в том, чтобы властвовать над человеком только словом и повелевать им одним шевелением брови? Для чего все это, если сломать его можно другими, не менее действенными способами? Сила и боль – вот краеугольный камень настоящего могущества.

Ахмеду очень нравилось то, во что превратился мир двадцать лет назад. Пусть кто-то заливался горючими слезами, оплакивая цивилизацию, сожравшую саму себя, но только не он. Нечего там оплакивать. Мир потребления и идолопоклонничества вещам, где каждый являлся винтиком, работавшим на идеализацию подобного существования. Родители умерли за много лет до этого, и авторитетом для него всегда оставался старший брат, не последний человек в преступных кругах Шымкента. Мегаполис наравне с обеими столицами был городом республиканского значения, что обеспечивало ему материальные преференции от государства, и считался одним из криминальных в стране. У Ахмеда не было другого пути, кроме как следовать за братом, что он с успехом претворил в жизнь, став для начала наркотореем, а затем и киллером, убивая неудобных конкурентов. Ну а потом законность, которая доставляла столько неудобств, канула в лету, и смерть привычного мира подарила безграничную свободу – он принял ее с радостью. Сожри сам, иначе сожрут тебя – лучшее из правил выживания, придуманных когда-то человеком.

Раньше, чтобы избежать наказания за любой незначительный проступок, трактуемый как уголовно наказуемый, достаточно было просто откупиться. Коррупция, как бы с ней ни боролись, оказалась практически неискоренима, являясь одной из основных черт восточного менталитета. Сейчас же и этого не требовалось – что хочешь, то и делай. Хочешь есть – иди и возьми, для этого и дана сила. Желаете, чтобы подчинялись, – сделайте больно, боль никто не любит. Женщины? Женское мнение вообще никто не спрашивает, их дело подчиняться мужчине. Не хочет подчиняться, будет больно. Любит много разговаривать, будет очень больно. Ахмед не любил, когда женщина не чтит традиции и много разговаривает. Слишком злой и жгучий у них бывает язык. Много плохих и обидных слов они могут сказать, таких, после которых чувствуешь себя ничтожеством. Женщина способна уничтожить словом и растоптать взглядом, а чтобы чувствовать себя господином, нужно заставить ее молчать и не мести языком то, что взбрело в голову. Язык ей дан для того, чтобы держать его за зубами, но пока не станет больно, она этого не поймет. Цивилизация искоренила средневековые предрассудки и устоявшиеся условности, подарив им слишком много свободы.

Ахмед знал, что не нравится женщинам, хотя сам их любил и ненавидел. Любил за то, что они есть, и ненавидел за их нрав. Да, его угловатое и покрытое прыщами лицо некрасиво, и раньше он слышал много насмешек над собой. Женщи-

ны всегда подчеркивали, что любят сильных мужчин, – вот пусть и подчиняются, у него силы достаточно. Мнили себя королевами, что и на ишаке не подьедешь, подавай только иномарку – где теперь эти иномарки? Ржавеют или составляют целостность защитных стен. Все, Закона нет, но есть сила, с которой встретится любая, если посмеет ему отказать или сказать плохое слово. А не поможет сила, придет боль. Дикая боль.

Спускаясь по ступеням, Ахмед заметил незнакомого спешившегося всадника. За две недели, проведенных в Луговом, местные жители успели примелькаться, и любое новое лицо сразу обращало на себя внимание. Возможно, приехал из ближайшего аула за провизией или еще по каким делам. Наверное, пойдет к акиму клянчить муку. Пусть клянчит. У акима старых запасов мало, а новая партия в Луговой так и не доехала. Иргашу тоже нужно кормить своих людей, и караван с провиантом они перехватили между Шымкентом и Таразом. В пустыне, где хозяйничал брат, с земледелием туго и вообще не до этого, воину не пристало ковыряться в земле. Быстрые набеги – вот основа благосостояния кочевого народа. Конечно, не всегда они бывают эффективны, но тут приходит на помощь подкуп, если, конечно, удача улыбнется. В Таразе она отвернулась, и люди брата не смогли успешно выполнить задание, тамошняя милиция оказалась скорой на расправу.

Зачем Иргашу снова понадобились женщины, Ахмед не

знал. Гарем брата он вроде снабдил уже достаточным количеством бабья на любой вкус, и бордель в Мойынкуме также не испытывает недостатка в персонале. Опять хочет обменять на нефть у русских в Кумколе? Уже давно пора захватить чертово месторождение и диктовать свою волю Каганату и всем остальным, кому необходимо топливо.

Но, как повелось еще до войны, Иргаша мнение младшего брата интересовало мало, а о своем во всеуслышание особо не распространялся и делал все, как надо ему, тихо и молча. Хочешь рассмешить Всевышнего, расскажи ему о своих планах. А если хочешь, чтобы вообще ничего не получилось, расскажи о них своим родственникам. В глаза поддержат, а за спиной обсмеют и расскажут всем, кому не надо. Натура такая людская. Чужие успехи мало кому приносят удовлетворение. Поэтому он старался не лезть в дела брата, только когда попросит. Ну а раз Иргаш просит, просьбу единственного родного человека необходимо выполнить, за что Ахмед с радостью и взялся.

Нужны молодые женщины? Будут. Из городов их выкрасть сейчас сложнее, но новый аким уже показал, где они живут в Луговом. Местные мужики ничего не подозревают, но как серьезное препятствие и не рассматриваются. Каганат слишком далеко, а люди из банды Иргаша близко, и связываться с ними никто не станет. Нет уже старого акима, способного поднять их на борьбу, а новый и не станет этого делать, слишком обязан Ахмеду. Так что скоро приедет

Иргаш, и уже к вечеру избранных женщин ждет путь, о котором они и не подозревают. А он пока наведается к Сымбат Шуменовой, ее сын выйдет отличным подарком брату. То, что мальчишка вытворяет с животными, будет хорошим подспорьем в запланированном походе на восток. Пацан мутант, не иначе, раньше люди такого не умели. Усилим мысли заставлять животных выполнять желания – хорошая способность, но использовать ее нужно с умом, а не тратить на забавы сверстников.

– Ну что, джигиты, заждались? – Ахмед подошел к ожидавшим его в тени дерева друзьям. – Зайдем в гости к одной мадамке?

– Красивая хоть? Податливая? – Мужики заулыбались.

– Сам не знаю. Проверим.

– Ты будешь первым проверять? Потом поделишься? – Они с готовностью вскочили.

– Поделюсь, конечно, – усмехнулся Ахмед, – если подержите ее.

Остальные заржали и, отпуская сальные шуточки, двинулись на соседнюю улицу. Аким подробно объяснил, где искать Сымбат.

Ее дом действительно бросался в глаза. Одна воротина, с редкими досками между металлическими уголками, криво висела на верхней петле. От второй осталась только рама, остальное ушло на растопку. Палисадник без штакетника, замазанные глиной вместо штукатурки стены, разбитые

окна затянуты хлопающей на ветру пленкой или заколочены фанерой. Все говорило о том, что хозяина тут нет. Соседние дома выглядели более ухоженными, насколько это возможно в условиях отсутствия покупных строительных материалов. Хозяйственные постройки во дворе были не лучше. Все, что имело отношение к дереву, давно сторело в огне печи. Остались только шлаколитые коробки, накрытые шифером. До кровельных стропил и обрешетки дело пока не дошло.

Ахмет приказал друзьям остаться на улице, а сам зашел во двор. С огорода как раз вышли хозяйка и ее дочь, вдвоем неся тазик, полный навоза. Следом за ними ковылял мальчик лет семи, с трудом волоча небольшое ведро, доверху наполненное тем же самым, что у старших. Стараясь сохранить круглую форму, вывалили содержимое на землю, рядом с кучей таких же «шайб», для лучшей вентиляции сложенных в шахматном порядке в невысокую пирамиду. Чертовски бюджетный вариант подготовки к отопительному сезону. Высохший на солнце навоз хорошо горит в печи, давая необходимое тепло зимой.

Заметив во дворе незнакомца, женщина что-то тихо сказала детям, утерла пот со лба, поправила косынку и направилась навстречу. Ахмед, склонив голову, проводил взглядом девушку-подростка и ее младшего брата, и посмотрел с улыбкой на их мать.

– Здравствуй, хозяйка! Откуда кизяк?

– Здравствуйте. Заработала.

– Это кто же расплачивается с красивой женщиной кизяком? Таковую женщину на руках носить нужно!

Ахмед, как умел, вложил в голос ласку и лесть. Прекрасный пол, насколько паскудным и стервозным бы ни бывал, комплименты любил. Попадались такие, охочие до нежности и равнодушные к его внешнему виду, когда нескольких любовностей хватало расположить их к себе, но в основном их привлекала материальная сторона дела. В борделях так вообще встречали с напускной похотью в глазах. Правда, тех женщин он особо не любил. Не умели они играть до конца, и порой читалось на их лицах плохо скрываемое отвращение. Вдосталь попользовав их, сам тоже не мог справиться с брезгливостью, которая вызывала у тружениц любовного фронта насмешки. А их он не мог терпеть и мгновенно впадал в ярость.

Сейчас же решил попробовать по старой схеме. Пошептать ласковых слов и посулить подарков. Понравилась шибко. До такой степени, что и забыл, зачем пришел сюда. Выбывающиеся из-под косынки черные вьющиеся волосы, темные большие глаза, прямой тонкий нос и такие же тонкие губы сводили с ума. Она не была похожа на сельчанку, хотя, по словам акима, всю жизнь прожила в ауле. Такие прелестницы раньше перебирались в город на учебу сразу после школы, да там и оставались, понимая, что всю жизнь ковыряться в земле или навозе недостойно красавицы.

Сымбат улыбаться было некогда, ждали работа и дети, по-

этому ответила сухо.

– Сосед расплачивается. За работу на огороде.

– Батрачишь? – сочувственно покачал головой Ахмед.

– По-другому не выжить.

– Ну почему же. Есть много способов.

– Только не здесь. Вы что-то хотели? Мне работать надо. –

Сымбат оглянулась туда, откуда пришла.

– Вода есть? Пить хочу. – Он ляпнул первое попавшее на ум, чтобы заманить ее в дом. Насколько бы безбашенным ни был, руки на улице распускать не собирался, осторожность всегда преобладала. А в доме крики меньше слышны, и больше шансов получить желаемое.

– Сейчас принесу.

Она направилась в дом, и Ахмед двинулся следом. Посмотрел в сторону ворот и увидел довольных дружков, показывающих большой палец. Тоже оценили красоту по достоинству, гурманы.

С Сымбат они столкнулись на веранде. Она протянула ковш с водой, но он, не обращая на него внимания, стал теснить ее в дом. Подойдя вплотную, крепко обеими руками обхватил женщину пониже спины.

– Есть один безотказный способ заработать все, что захочешь.

Сымбат уперлась одной рукой в его грудь, отодвигаясь от зловонного дыхания наглеца, а второй выплеснула воду на голову. Ахмед отскочил, как ошпаренный, – вода была хо-

лодной.

– Напился? Убирайся!

– Ты чего такая несговорчивая? – Ахмед утер лицо ладонью и снова стал наступать. – Ты же одна живешь. Сама детей тянешь. Не нравлюсь? Тебе требуется полчаса потерпеть, и потом сможешь купить у соседа хоть весь кизяк. Я же заплачу. Хочешь патронами, хочешь мясом. Или, может, другие пожелания есть? Говори! Все выполню!

– Думаешь, если одна живу, то без мужика пропадаю и буду на первого встречного-поперечного соглашаться? – она покачала укоризненно головой. – Пошел вон! А то закричу! Мужики прибегут, ввалят тебе!

– Ой бай! Да никто не придет. – Он надменно усмехнулся. – Боятся они. Поэтому кончай брыкаться, а то я своих позову сейчас, подержат тебя.

– Пошел вон, урод!

Сымбат не унималась, помня, что лучшая защита – это нападение, хоть и было ей немного страшно. Повышая голос, она вводила себя в боевое состояние, надеясь избавиться таким образом от неприятного посетителя. К тому же опыт на сходках у акимата показывал, что мужчины обычно пасуют в спорах с женщинами, когда те начинают орать.

– Я мужа в ежовых рукавицах держала, он слова поперек сказать не мог! Думаешь, я тебя испугаюсь? Хрен тебе! Ты кто такой вообще? Не местный, а хозяином себя здесь чувствуешь? Ты гость, и веди себя как гость, а не руки распус-

кай к каждой бабе!

– Все как обычно. – Ахмед прищурился, тихо сатанея. – Такая красавица, а как рот откроет, так погань и льется. Не били тебя, видно. Ни отец, ни муж. Не научили слушаться мужчину!

– Что ты тут гавкаешь? Какого мужчину? Ты, что ли, мужчина? Если носишь штаны, это еще не делает тебя мужчиной! Убирайся, чтобы глаза мои тебя не видели! Не родился еще тот, кто руку на меня поднимет!

Ахмед не выдержал этого потока слов, стиснул зубы и ударил. Бил сильно в лицо, но основанием ладони, чтобы не испортить красоту. Женщина перелетела порог, упала на пол у печки и попыталась подняться. Он шагнул широко и пнул в живот, в ответ услышав стон.

– Нравится тебе, сука!?! Я научу тебя открывать рот, только когда ешь!

Он присел на корточки, схватил ее за одежду и приподнял, заглядывая в глаза. Увидел то, что хотел. То, что всегда нравилось в таких вот боевых горластых женщинах. Страх. Ударил снова, лбом. Голова дернулась, ее одежда выскочила из его рук, и Сымбат снова оказалась на полу, глухо стукнувшись затылком. Ахмет разорвал платье, обнажая грудь, довольно причмокнул и оскалился. Достал нож.

– Я покажу тебе, как уважать мужчин, сука!

Женщина стала отталкиваться пятками и локтями от пола, сдвинулась с места и уперлась затылком в печь. Ахмед

снова ее ударил основанием ладони в лоб, так, что загудел металл печки. По щекам Сымбат покатались крупные слезы. Ага, больно! Держи еще!

В этот раз он уже схватил ее за волосы, стянув косынку и запустив в них пятерню. Резко, не переставая улыбаться, еще два раза приложил ее голову о печь и только тогда отпустил. Стал задирать подол, но вдруг заметил, что она безучастна. Обычно в таких случаях женщины начинают верещать, царапаться и пинаться, но эта молчала, уставившись в потолок.

Он просунул ладонь под затылок и, приподняв голову, заглянул в глаза. Застывший, невероятно расширившийся зрачок служил определением одного из состояний, когда он достигал таких размеров, – смерти, да и пальцам стало тепло и мокро. Ахмед уронил ее голову, посмотрел на руку, по сторонам. Угол металлической печки, как и ладонь, были в крови и прилипших черных волосах. Он машинально вытер руку об одежду покойницы, встал и цвыркнул зубом.

– Вот сука, сбежала! Ох, а хороша... – Ахмед окинул прощальным взглядом неподвижное тело и покачал головой. – А была бы податливей, отряхнулась и дальше пошла бы. Но мне нельзя перечить. Никак не поймут этого, шалавы...

Нервный тик всей левой части тела раздражал и отвлекал от просходящего вокруг. Веко дергалось, мышцы руки стали вдруг сами непроизвольно сокращаться, а мизинец занемел. Сжатый несколько раз кулак проблемы не решил, и

только сильно стиснутое другой рукой плечо немного успокоило расшалившиеся нервы. Шал проводил взглядом удалявшегося Ахмеда с друзьями. Судя по уверенному виду, тот чувствует себя в безопасности – значит, пока Луговой покидать не собирается. Тем лучше, прояснить один вопрос у местного градоначальника много времени не займет.

Вытащив из кобуры ружье, Шал снял с коня сумку с рюкзаком и направился в акимат. Все свое ношу с собой, сказал умный человек, стукнув себя по лбу и намекая на богатство знаний, полученных в течение жизни. Прибыв же в чужое селение, не надо быть мудрецом, чтобы понимать, что оставленные без присмотра вещи тут же привлекут внимание любопытных, вряд ли знакомых с судьбой преждевременно почившей кошки.

Акимом здесь служил старый знакомец, Булат, ровесник и сослуживец старшего брата. Если он сейчас находился в акимате, следовало поинтересоваться, чего это по Луговому расхаживает один из самых разыскиваемых в Каганате преступников. В сотрудничество знакомого и старого врага верить не хотелось, но поведение Ахмеда говорило об обратном. Тот словно имел карт-бланш на посещение станции по программе «все включено».

Перескакивая через несколько ступеней сразу, Шал стремительно поднялся на второй этаж и без стука открыл кабинет акима.

– Здарова, Була!

За столом восседал другой человек. Круглое лицо, обрамленное короткой бородой, знакомо – вероятно, в прошлый раз уже встречались. Молодой такой, а уже подсадил Булата? Или просто замещает, пока тот куда-то уехал? Недоуменно уставившись на неожиданного посетителя, тот привстал.

– А где Булат? – удивился Шал.

– Нет его. Умер.

– Когда?

Известие о смерти радости не принесло, но, с другой стороны, успокоило. Зря он плохо думал о Булате, не ведет тот дел с преступником. Вообще никаких уже дел не ведет. Но теперь это развязывает руки.

– Несколько месяцев назад. А ты кто такой? Почему без стука?

– Ох ты, какой начальник! – съязвил Шал и поставил в угол ружье, кинув рядом поклажу. – Где-то я тебя видел. В помощниках у Булата был?

– Да. Теперь я тут аким! Поэтому попрошу стучаться! Если к Булату привык заходить без стука, теперь тут другие порядки!

– Да мне похер на твои порядки. – Шал подошел к столу и присел на краешек по правую руку акима. Достал папиросу, не сводя глаз с хозяина кабинета, смял гильзу и прикурил от зажигалки, что лежала тут же. Не вернув на место, посмотрел на свет, проверяя уровень газа. У самого такая же лежала в кармане, но дышала уже на ладан.

– Ты глянь, китайская, а до сих пор работает. – Он затаился, выдохнул облако дыма в лицо новому акиму и сплюнул табачную крошку в сторону. – А как раньше не любили все китайское. Ширпотреб! Брак! Отстой! Вот, вишь, отстой, а пережил своих производителей, и что самое главное, почти всех потребителей. Где взял? Практически полная. Поддай пепельницу, – он показал на подоконник.

Хозяин кабинета чувствовал себя неудобно, глаза бегали в ожидании неприятностей, но он старался сохранять важность. Степенно, чтобы не уронить достоинства, обернулся и дотянулся до пепельницы в виде коршуна, восседающего на краю гнезда. Поставил ее перед наглым гостем.

– Кто вы? – спросил он уже осторожней.

– Как умер Булат? – Шал проигнорировал вопрос и замурил глаз от попавшего дыма.

– Змея укусила. Гадюка.

– Где?

– Тут. В кабинет заползла.

Шал затаился и посмотрел на открытые окна. Оглянулся на дверь. Снова затаился и с хрустом раздавил окурок между лап коршуна, привычно сунув чужую зажигалку в карман штанов.

– На второй этаж? Сколько живу, не слышал, чтобы змеи по стенам так высоко поднимались.

– Она мутировавшая!

– А. Ясно. Эти бегают по стенам, точно. Что тут делает

Сыдыков?

– Кто? – Глаза акима забегали. Так бывает, когда человек нервничает, не зная, чего ожидать от собеседника.

Шал наклонился вперед и по слогам повторил.

– Сы-ды-ков.

– Кто это?

Шал устало вздохнул и посмотрел на стену. Известка местами осыпалась, особенно там, где трещины реставрировались глиной, и кое-где лежала кучками вдоль плитуса. Земля до сих пор вела себя беспокойно, слабыми толчками периодически напоминая людям, что дремлющая в глубине сила готова в любой момент пробудиться. Снова активизировался нервный тик. Шал помассировал висок и веко и повернул голову к акиму.

– Не беси меня, – попросил он, – видишь, глаз дергается. Мне нельзя нервничать.

– Да я не знаю, о ком вы! – вскричал аким.

– Ой, не ори только. – Шал сморщился, словно от зубной боли. – Значит так, дружище. Я могу, конечно, достать сейчас бумагу, где сказано, кто такой Сыдыков, кто такой я и почему имею право наделать пару дырок в шкуре того, кто сотрудничает с преступником, разыскиваемым по всему Каганату. Но это будет слишком долго, а у меня нет времени. И дух безвременно почившего Булата, который являлся моим хорошим знакомым, подсказывает, что ты имеешь к этому отношение.

– К чему?

– Сука, ты чего такой трудный? – удивился Шал. – Ко всему! Есть что пояснить, почему по Луговому расхаживает Ахмед по прозвищу Мясник?

– А-а-а, я понял. Ты охотник за головами. – Аким вдруг успокоился и перестал нервничать. – Так бы и сказал сразу.

– Это что-то меняет?

– Конечно. Я думал, ты из «Летучего отряда», а они поодиночке не появляются.

– А с чего ты взял, что я один? – начал блефовать Шал, нагло улыбнувшись.

– Потому что не стал бы тащить сюда вещи с улицы, а зашел бы налегке, – аким кивнул на угол, где стояло ружье, – и в Каганат сообщить об Ахмеде никто не смог бы, доступ к радиации только у меня, значит, Отряд тут не появится. И одеты они по-другому, я слышал. Так что слезь со стола и вали отсюда, пока Ахмед не вернулся.

– А он должен вернуться? – с надеждой спросил Шал.

– Любопытный ты, однако.

– Да, я знаю, – кивнул Шал, – люблю, знаешь ли, вопросы задавать. А еще больше люблю получать ответы. Поэтому лучше отвечай сразу, пока я тебе глаза местами не поменял.

– Ты что, такой крутой? – усмехнулся аким.

– Не, левый склон Памира круче, но больно будет сейчас тебе, Гюльчатая ты гаремная.

– Думаешь?

– Да...

Удар в грудь стал неожиданностью.

«Старею, сука, – мелькнула мысль, пока Шал летел, кувыркнувшись вперед спиной. – Быстрее меня оказался, сникерс штопаный». Послышался громкий шорох выдвигаемого ящика и звук передергиваемого затвора.

Ударившись затылком об пол, он откатился влево, к стене, выхватил обрез и пальнул из обоих стволов поочередно. Стрелял через стол, по ногам уже вставшему со стула и целившемуся в него из пистолета акиму. Залп разворотил заднюю стенку стола и вслед за грохотом упавшего тела раздался вой акима.

Не вставая, Шал перезарядил обрез, мельком скользнув взглядом по стреляным гильзам, взвел курки и только тогда поднялся. Уже предполагая, что увидит, обошел стол и отшвырнул в сторону стул, на котором до этого сидел аким. Бедра были в крови, а сам раненый катался по полу и громко завывал от боли. Да, такая пуля кость перебивает влет.

Шал и забыл, что когда в урочище чистил обрез, зарядил его патронами с маркировкой «аю<sup>22</sup>». Наука старого русского охотника, с которым они ходили на тяньшаньских медведей, когда те повадились забредать в Гранитогорск, не пропала даром. Последние несколько лет он обязательно снаряжал с десятков патронов «боло» – двойной пулей, связанной тонким тросом, и на картоне гильзы ножом царапал марку

---

<sup>22</sup> Аю – медведь (каз).

боезапаса. Чтобы не забыть, чем стреляет. Но, видимо, сотрясение, полученное в битве с бородачом, постепенно выходило боком, и мелочи, которые обычно хорошо откладывались в памяти, вдруг стали теряться. Дьявольскую птицу он, кажется, тоже наспиговал «боло».

Хорошо, что сейчас стрелял по ногам, а то у мертвого узнать ничего не выйдет.

Отшвырнув ногой пистолет, Шал склонился над акимом.

– Эй! Сын моржовый! Сюда смотри!

Взгляд раненого медленно становился осмысленным.

Значит, от шока отходит, хорошо.

– Быстро отвечай! Что тут делает Сыдыков? Расскажешь, оставлю жить. Ну? – Шал ткнул стволами в лицо.

– Жен-щины нужжны, – давящее в щеку оружие мешало говорить.

– Куда он пошел? Ну! Быстро отвечай!

– К Сы-ымбат. Шуууме-новой. А-а-а... больно...

– Зачем?!

– Сы-на ее нужжен... перевяжи...

– Перевяжу. Сейчас. Зачем ему пацан? Ну!

– Не знаю. Он зверей при-ручает... а-а-а... перевяжи...

или позови... кого-нибудь.

– Ага. Щас, позову... Где она живет?

– Соседняя улица... позови...

Шал шагнул к дверям. «Экстренное потрошение» действительно отличный метод для получения информации и

никогда еще не подводил. Не все выдерживают момент истины, когда стоит вопрос об их жизни или смерти. Повесив ружье на плечо, он вдруг остановился, задумавшись об акиме. Сотрудничество с объявленным вне закона поставило того на одну черту с преступником, следовательно, он заслуживал соответствующего наказания. Но для этого нужно этапировать раненого в Шымкент, что требует достаточного количества времени. Оставить пока на попечение местных, чтобы подлечили, а потом вернуться за ним? Хотя куда он сбежит с такими ногами? Шал вернулся к столу. Есть еще один вопрос.

– Слушай, Булата кто убил?

– Аххх-мед.

– Он змею подбросил?

– Да... у-у-у... позови кого-нибудь, я кровью истекаю... а-а-а...

– Ты его попросил подбросить змею?

– Нет... я проссил только разобраться с ним... позов...

– Перевязка отменяется.

Шал потянул спуск и отвернулся, но брызги крови все равно попали ему в лицо.

В ауле никто не обратил внимание на выстрелы в акимате. В здании никого больше не оказалось, а дети на площади все так же занимались своими делами. Обступив деревянный ящик с облупившейся полировкой, который раньше был те-

левизором, они что-то азартно обсуждали и смеялись.

Шал заглянул им через спины и хмыкнул. Бой членистоногих, распространенная забава нынешней детворы. Опасные игры сложного времени. Большая фаланга, загнанная в угол ящика, сражалась сразу с двумя крупными скорпионами, пронзительно попискивая и размахивая шупальцами, когда те тянули к ней свои клешни. Самый смелый из мальчишек подталкивал их палкой, и они вынуждены были атаковать поочередно, оказываясь рядом с мохнатым пауком, но тут же разворачивались прочь, когда внимание ребенка переносилось с одного на другого. Не дожидаясь результата боя, Шал вскочил на коня.

Быстро, в три затяжки, выкурил папиросу – кто знает, вдруг последняя. Достал из сумки «ксюху», присоединил магазин и пустил Сабыра рысью в ту сторону, куда ушел Ахмед с дружкой. Уровень адреналина, который резко повысился после разговора с акимом, требовал выхода и ответов на вопросы. Интерес к мальчугану с какими-то необычными способностями, видимо, имел не только старый Еркебай.

Соседняя улица пролегла параллельно железной дороге, насыпь которой виднелась в отдалении, за стеной из старых товарных вагонов, перегородивших пустырь. У одного из дворов Шал заметил тех, кто недавно сидел под деревом у акимата, и направился туда. Скрытное приближение не имело смысла, прятаться на широкой улице негде, поэтому Шал сделал ставку на кавалерийский наскок.

Дробный стук копыт по старому асфальту привлек внимание вооруженных людей, и они с интересом обернулись, рассматривая всадника. Находясь по правую сторону от Шала, они не видели оружия в его левой руке. Поравнявшись с ними, он бросил поводья и поднял автомат, тут же хватаясь за рукоять и открывая огонь. Двое упали сразу, сраженные пулями, один схватился за плечо и заорал, четвертый бросился на землю, стараясь вжаться в нее. Ахмеда среди них не было.

Завернув коня за угол соседнего дома, Шал перекинул ногу через голову Сабыра и на ходу спрыгнул, бросившись под укрытие забора. Защита невесть какая, но уцелевшие не знают о том, что он рядом. Быстро выглянул, оценивая обстановку, и снова спрятался. Раненый все так же орал, даже не взявшись за оружие, а лежавший на земле терзал затвор автомата. Чтобы закрепить успех, Шал высунулся на полкорпуса из-за забора и снова несколько раз нажал на спуск. Очередь прошла автоматчика, который успел приготовиться к стрельбе, и тот неестественно вывернулся, переворачиваясь на спину и так и застыв на боку. Раненому тоже досталось. Дернувшись, он замолчал и засучил ногами, выбивая пыль из сухой земли.

Шал медленно двинулся вперед и услышал топот ног по деревянному крыльцу. Из открытой створки ворот заглянул во двор и увидел Ахмеда, застывшего у веранды. Тот тоже его заметил, вскинул пистолет и выстрелил. Шал отпря-

нул, бросился на землю, перекатываясь вправо и нажимая на спуск. Пули чиркнули по стене, но Ахмеда там уже не было.

Дом Сымбат выходил огородом к пустырю, и Мясник рванул в ту сторону, перепрыгивая через грядки. Шал вскочил и бросился следом. Споткнулся обо что-то, полетел кубарем, ломая чахлые кусты помидоров. Встав на колени, поймал мелькающую спину в прицел и выстрелил. Не попал. Ахмед бежал зигзагом, петляя как заяц.

Слева почудилось движение, и Шал резко повел стволом в ту сторону. Не привиделось. Из соседнего огорода вышли девушка лет пятнадцати и мальчишка. Они испуганно поглядывали на Шала. Он вскочил на ноги, бросил быстрый взгляд в сторону, куда убежал Ахмед, и подошел к детям.

– Как звать?

– Сауле.

Сердце кольнуло. Его дочь тоже так звали когда-то.

– А тебя? – он посмотрел на мальчику. Вроде обычный мальчуган, только правый глаз с двумя зрачками.

– Мейрам.

– Шайтан! – вырвалось у Шала. – Идите домой и ждите.

Я скоро приду.

Он бросился со двора, накидывая ремень автомата на шею, и свистнул. Сабыр, услышав зов хозяина, тут же появился из-за угла и затрусил навстречу. Поражаясь внезапному совпадению, что детей Сымбат зовут так же, как и его, вскочил в седло и направил коня в объезд дома, краем глаза

заметив, как дети скрылись внутри. Уже удаляясь, он услышал приглушенный детский крик.

– Ма-ма! Мамочка...

\* \* \*

– Хоро-о-о-ший конь, хороший, – Шал взъерошил гриву гнедого, и тот фыркнул, задрал голову и попытался положить ее ему на плечо, – коня как зовут?

– Сабыр, – не оборачиваясь, бросил продавец, не сводя глаз с шумной толпы женщин всех возрастов, с узлами в руках пытавшихся влезть в открытый кузов старого «зилка». Сборищцы хлопка собрались в поле, и их гомон временами перекрывал зазывающие выкрики торговцев.

– С-а-а-быр, С-а-а-быр, – коню явно нравилось, когда ему чешут за ушами, и он тянул голову вслед за рукой, а если Шал ее убирал, косил лиловым глазом и ловил его взгляд.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.